
И.Е. Суриков

ДРЕВНЕЙШИЕ ГРЕЧЕСКИЕ ГЕОГРАФЫ О ПОНТЕ ЭВКСИНСКОМ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХ

Древнейшими греческими географами (VI в. до н.э.) являлись представители архаической ионийской учености Анаксимандр Милетский, Гекатей Милетский и Скилак Кариандский. Философ Анаксимандр составил первую карту, еще очень схематичную; историк Гекатей усовершенствовал эту карту в сторону детализации, а также написал первую периегезу («Описание Земли»); перу мореплавателя Скилака принадлежит первый перипл (хотя на столь раннем этапе развития греческой прозаической литературы жанры периегезы и перипла еще мало отличались друг от друга). В статье рассматриваются сохранившиеся данные этих авторов о Черном море и прилегающим к нему регионам. Правда, во фрагментах Анаксимандра такой информации нет, а во фрагментах Скилака ее довольно мало (в основном о зоне Черноморских проливов); зато она в изобилии имеется во фрагментах Гекатея. Географический трактат этого автора представлял собой практически исчерпывающее описание известных на тот момент земель, включая, естественно, побережья Черного и соединяющегося с ним Азовского морей. Гекатей измерял размеры Черного моря (скорее по карте, чем «в натуре»). Именно ему, похоже, принадлежит знаменитый, столь популярный в античности образ Понта как скифского лука. Интересен вопрос о том, где в черноморском регионе ученый проводил границу между Европой и Азией; в статье приводятся аргументы в пользу того, что для него она шла не по Дону, как позже у Геродота, а по Кубани. При этом территория, которая ныне является Таманским полуостровом (а в античности была островом), Гекатеем причислялась к Азии. В «Описании Земли» содержится первое в нарративной традиции упоминание о Фанагории – одной из самых известных древнегреческих колоний на территории России, впоследствии – втором по значению центре Боспорского царства. Амазонки Гекатея локализует у Фермондонта, а не в Северном Причерноморье, как позже Геродот и Гелланик.

Ключевые слова: география, Анаксимандр, Гекатей, Скилак, карты, периеге-за, перипл, Черное море, Черноморские проливы

География как отдельная, изолированная наука «в своем праве» сформировалась у греков достаточно поздно. Думаем, не преувеличим, если скажем, что профессиональные географы, географы, которых можно

назвать специалистами в конкретной области, в полной мере стали распространённым явлением только с эллинистического времени. Да и эти специалисты не были узкими, наряду с географическими изысканиями они параллельно занимались исследованиями в сфере и других научных дисциплин, особенно часто – математики и астрономии. А если припомнить такую крупномасштабную фигуру, как Эратосфен, которого иногда характеризуют даже как «изобретателя» географии (Bianchetti 2016. P. 132), этот учёный вообще являлся отнюдь не только выдающимся географом-теоретиком, но в полном смысле слова энциклопедистом (о различных сторонах его многогранной сферы интересов см., например: Möller 2005; Molina Marín 2017; Matthaïos 2018). Позже, в период уже позднего эллинизма, Страбон начинал как историк (к огромному сожалению, не сохранился его исторический труд, который сам он считал главным в своем наследии; о нем см.: Malinowski 2017), а уже потом вступил на стезю географа, в качестве которого он ныне в первую очередь и известен – вплоть до того, что его часто называют Географом (с прописной буквы), как Гомера – Поэтом.

Так что же говорить о более ранней эпохе – о конце периода архаики, о времени так называемой ионийской географии? К ней констатированное выше обстоятельство, само собой, относится *a fortiori*. Географией (в качестве своеобразного хобби?) занимались люди, которые остались в культурной памяти человечества в иной связи. Часто как о крупном представителе ионийской географии вспоминают о Геродоте (например: Bichler 2016; 2018). Это представляется оправданным в том смысле, что в труде Геродота географической информации чрезвычайно много. Но у уроженца Галикарнасса были на данном поприще предшественники – авторы более ранние, принадлежащие к той же традиции, но притом такие, от которых, увы, мы не имеем полностью дошедших сочинений (но имеем фрагменты, с которыми ведь тоже можно – и нужно! – работать).

Среди этих ученых, во-первых, виднейший философ Анаксимандр Милетский. В сущности, можно сказать, что именно он был и *первым* греческим философом. Правда, в трудах по истории античной философии в качестве такового обычно фигурирует его учитель Фалес, но несколько иначе считали в самой античности: Фалеса относили еще к «мудрецам», а череду философов начинали с Анаксимандра (см.: Diog. Laert. I. 21–22; II. 1). Этот милетянин, как известно, создал первую у эллинов географическую карту (свидетельства см. ниже). Во-вторых, в данной группе перед нами опять же виднейший историк – земляк Анаксимандра Гекатей Милетский¹, усовершенствовавший карту своего предшествен-

¹ Именно с Гекатея, как правило, начинается изложение в общих трудах по истории древнегреческой мысли (например: Lendle 1992).

ника, а также написавший, судя по всему, первую периегезу (в этом абзаце нам, может быть, чрезмерно часто пришлось употреблять числительное «первый», но это было неизбежно). О Гекатее далее будет говориться много и подробно.

Что же касается Анаксимандра, в статье византийского лексикона «Суда», посвященной ему (Anaximand. DK. 12. A2), философу приписано сочинение «Очерк земли» (Γῆς περίοδος), т.е. фактически тоже периегеза, причем хронологически более ранняя по сравнению с той, которая вышла из-под пера Гекатея. Однако это сообщение представляется нам вряд ли соответствующим действительности. Согласно более распространенной и более надежной традиции, Анаксимандр – автор только одного труда – трактата «О природе» (и это, похоже, самое первое у греков сочинение в прозе). Характерно, что среди сохранившихся фрагментов Анаксимандра (они сведены в известном корпусе Г. Дильса и В. Кранца «Фрагменты досократиков») нет ни одного фрагмента географического содержания. Кстати, равно как и исторического содержания, поэтому Анаксимандр не попал во «Фрагменты греческих историков» Ф. Якоби.

Точнее, Анаксимандр Милетский в этом издании присутствует (FGrHist. 9). Но тут перед нами другой Анаксимандр – историк-мифграф (о нем см.: Fowler 2013. P. 630–631), тезка философа (и, скорее всего, его потомок). Его называют Анаксимандром Младшим; он жил и писал в гораздо более позднее время, в первой половине IV в. до н.э. Мы, между прочим, допускаем, что именно он – автор периегезы, которая в «Суде» оказалась ошибочно приписана Анаксимандру Старшему. Путаница могла возникнуть чрезвычайно легко: налицо полное совпадение и имени, и этникона, а кроме того, византийскому лексикографу, естественно, было известно, что философ Анаксимандр интересовался географией, составлял карту, и это тоже могло подтолкнуть автора (или авторов) «Суды» к неверной атрибуции трактата.

В этот же ряд древнейших географов-любителей входит мореплавателю Скилак Кариандский, автор перипла. Этот писатель значительно реже привлекает к себе внимание специалистов, чем два вышеупомянутых (именно поэтому на его фигуре мы задержимся подольше). Если и пишут о перипле Скилака, то, как правило, имеется в виду перипл Псевдо-Скилака (наиболее фундаментальное исследование об этом памятнике: Shipley 2011), созданный кем-то в IV в. до н.э. (судя по всему, с использованием некоторой информации из подлинного перипла Скилака) и, таким образом, не относящийся к самым ранним географическим текстам. Соответственно, нас будет интересовать не он, а те фрагменты, которые сохранились от самого Скилака.

Последний был родом из городка под названием Карианды в Кариии, и, возможно, по этническому происхождению являлся эллинизированным

карийцем (кстати, как и Геродот, у которого и отец, и дядя носили не греческие, а карийские имена). Он состоял на службе у Дария I, и самое раннее свидетельство о нем, принадлежащее Геродоту, гласит (Herod. IV. 44 = Scyl. FGrHist. 709. T3a): «Многое в Азии было открыто Дарием, который, желая знать, где река Инд (она – одна из двух рек во всем мире, где водятся крокодилы) впадает в море, посылает на кораблях людей, в которых был уверен, что они скажут правду, и в их числе, конечно же, Скилака, мужа-кариандца. А они, отправившись из города Каспатира (?)² и пактийской земли, плыли по реке на восток, в сторону восходящего солнца, до моря, а по морю, плывя на запад (διὰ θαλάσσης δὲ πρὸς ἑσπέρην πλέοντες), на тридцатый месяц прибывают в ту страну, откуда царь египтян послал финикийцев, о которых я говорил раньше, чтобы обогнуть Ливию. После того, как было совершено это плавание, Дарий покорил и индийцев и стал пользоваться этим морем. Так и в Азии, кроме областей, простирающихся в сторону солнца, все остальные были открыты, подобно тому, как обстоит дело и с Ливией».

Здесь мы имеем, в сущности, единственный известный биографический факт о Скилаке. Итак, он участвовал в индийском походе Дария, а затем совершил свое знаменитое плавание. Маршрут его, судя по всему, был следующим. Начался он где-то в нижнем течении Инда, судя по тому, что путешественники двигались «по реке на восток, в сторону восходящего солнца»: на любой карте можно увидеть, что направление Инда в основном южное и юго-западное и только в самых низовьях поворачивает на юго-восток. Далее, выйдя в Индийский океан, экспедиция обогнула Аравию и попала в Красное море, дойдя до Египта³.

Покорение Дарием I северо-западной части Индии датируют временем ок. 517 г. до н.э. Значит, примерно тогда же состоялось и плавание Скилака. Или, возможно, несколько позже: судя по тому, что наш автор довольно много рассказывал об Индии, он познакомился со страной, то есть пожил там какое-то время, скорее всего, не слишком малое.

Приведем теперь статью о Скилаке из лексикона «Суда» (Suid. s.v. Σκύλαξ = Scyl. FGrHist. 709. T1): «Скилак. Кариандец (Карианды – это город в Карию, близ Галикарнасса); математик и знаток музыки⁴. [Написал:] “Перипл мест, что за Геракловыми столпами”, “События при Ге-

² Название города испорчено. Речь идет, понятно, о каких-то индийских топонимах.

³ Не знаем, чем объяснить странную ошибку, допущенную недавно таким серьезным специалистом, как Г. Шипли (Shipley 2021. P. 1300). Он утверждает, будто бы экспедиция Скилака плыла по Инду до моря, а потом вернулась обратно в Каспатир. В море, стало быть, не выходила. Но см. вышеприведенное свидетельство Геродота.

⁴ Или искусство в целом. Эта характеристика (как и данная перед ней) применительно к автору периода поздней архаики отдает некоторым анахронизмом.

раклиде, царе милассян⁵», «Очерк земли», «Возражение на “Историю” Полибия”»).

Как нередко бывает в этом позднем лексикографическом памятнике, в статье немало разного рода путаницы. Естественно, Скилак не мог ничего писать о Полибии – выдающемся греческом историке, работавшем во II в. до н.э. Более того, не мог о нем писать даже и Псевдо-Скилак, перипл которого относят, повторим, к IV в. до н.э. Иными словами, здесь перед нами совсем уже грубая ошибка лексикографа.

Прокомментируем остальное. Сочинение «Перипл мест, что за Геракловыми столпами» Якоби связывает с индийским плаванием Скилака (Jacoby 1958. S. 589). Резонный взгляд: Индийский океан и Красное море с точки зрения греков действительно находились за Геракловыми столпами. Заметим, кстати, что трактат с точно таким же названием указывается «Судой» в статье о Хароне Лампсакском, авторе более позднем. Вполне допустимо, что Харон опирался на данные Скилака.

Соответственно, труд Скилака «Очерк земли» (Γῆς περίοδος), с точки зрения Якоби (Ibid. S. 591), являлся, видимо, периплом более традиционного типа, описывавшим побережья «Внутреннего», или «Нашего», моря, – иными словами, средиземноморский бассейн. Причем, скорее всего, вкупе с понтийским: во всяком случае, материал по зоне Черноморских проливов в сохранившихся фрагментах, как мы увидим, имеется.

Еще один упомянутый в статье «Суды» трактат Скилака является по содержанию не географическим, а историческим, но он всё же заслуживает того, чтобы сказать о нем хотя бы несколько слов. Трактат этот назывался «События при Гераклиде, царе милассян». Практически несомненно, что этот Гераклид должен быть отождествлен с карийским военачальником Гераклидом, сыном Ибаноллия, из Милас, которого упоминает Геродот (Herod. V. 121), рассказывая о восстании против персидского владычества в Карию в самом начале V в. до н.э. Таким образом, в данном сочинении Скилака речь шла о событиях первого этапа Греко-персидских войн.

К интересным наблюдениям приводит сопоставление Гекатея и Скилака. Два автора – современники, причем в самом прямом и полном смысле слова: они начали свою литературную деятельность в последней четверти VI в. до н.э., но были еще живы и активны в первом десятилетии следующего столетия. Оба – из малоазийских греков, оба были персидскими подданными. Гекатей, помимо историко-мифологического трактата (название которого передается как «Истории»⁶, «Генеало-

⁵ Милассы (чаще Миласы) – город в Карию.

⁶ Именно так, во множественном числе. Скорее всего, так же называлось и сочинение Ферекида Афинского, работавшего во второй четверти V в. до н.э. Неосновательно мнение (Niko-

гии», «Героология»)⁷, написал географический труд «Описание Земли» (Περιήγησις Γῆς), название которого иногда передается как «Очерк Земли» (Περίοδος Γῆς). Практически точно такое же название (Γῆς περίοδος) мы встретили в перечне сочинений Скилака в свидетельстве «Суды». Обычно считается, что Гекатей создал первую периегезу⁸, а Скилак – первый перипл. Но на раннем этапе эти два жанра почти не отличались друг от друга, были настолько тесно взаимосвязаны, что подчас трудно провести между ними разграничительную линию⁹.

Остановимся на этом вопросе чуть подробнее. Различие между двумя вышеназванными жанрами, по большому счету, только в том, что в первом из них описывался тот или иной путь по суше, во втором – по морю. Соответственно, авторов периегез (периегетов) иногда называют «гидами», а авторов периплов – «лоцманами». Такого рода определения, понятно, следует воспринимать только метафорически.

Обычно считается, что в периегезах уделяется большее внимание событиям прошлого, поскольку в них при описании городов и местностей постоянно идет речь о достопримечательностях, о памятниках истории и культуры; в периплах же интерес к прошлому проявляется в существенно меньшей степени, поскольку писались они в первую очередь для мореходов, которым важнее было знать, где лучше причалить, а не где осмотреть пресловутые достопримечательности. Да, если сопоставить, скажем, периегезу Павсания и перипл Арриана, то именно это различие и бросится в глаза. Но всегда ли оно существовало? Далеко не факт, что, если оно и имеет силу применительно к периплам и периегезам гораздо более поздних эпох, чем конец VI в. до н.э., его можно найти при сравнении самых ранних памятников, когда жанры только формировались.

Итак, обычно считается, что авторы периегез движутся по суше, авторы периплов – по морю. И в целом, безусловно, это соответствует действительности. Однако маршрут-то тем не менее в обоих случаях получается довольно-таки схожий! Особенно когда описывается средиземноморский бассейн. Автор идет вначале от Гибралтарского пролива на восток вдоль северного (европейского) побережья, а возвращается в

laidou-Arabatzis 2018. P. 224), будто ранее Геродота существовавшее «история» (ἱστορία, ἱστορίη) вообще не встречается в памятниках древнегреческого языка.

⁷ О Гекатее как историке и мифографе см.: Heidel 1987; West 1991; Armayor 2004; Bertelli 2007; Alganza Roldán 2012. Не утратила значения также посвященная Гекатею глава в книге: Pearson 1975.

⁸ Чрезвычайно богатую информацией, часть которой (имеющую отношение к тематике данной статьи) нам предстоит рассмотреть в дальнейшем. Данные периегезы Гекатея часто используются в исторических исследованиях на самые разнообразные темы (см. хотя бы: Herrmann 1911; Hansen 1987; Brown 2004).

⁹ Об их смежности мы писали, – правда, в связи с иным источником (периплом Псевдо-Скимна) – и в другом месте (Суриков 2020).

конце концов к тому же Гибралтарскому проливу, следуя теперь на запад южным (африканским) побережьем. Взять хотя бы последовательность изложения в периегезе Гекатея¹⁰: Испания – южное побережье Кельтики (Галлии) и Лигурии – западное побережье Италии – Сицилия – южное побережье Италии – Адриатическое море... И так далее. А в завершающей части: Египет – регионы к югу от него – Ливия вплоть до Геракловых столпов. Близость к периплам налицо. Это и не удивительно, учитывая, что эллины, особенно на ранних этапах своей истории, были по понятным причинам больше ориентированы на морские, а не на сухопутные путешествия. «С самого начала греческая география в равной мере представляла собой и *талассографию*» (Janni 2016. Р. 21).

Авторы периегез, правда, не так сильно привязаны к морю, как авторы периплов, они совершают экскурсии в регионы, отдаленные от него. Но и это всё в известной мере условно и относительно. Так, автор известного перипла Псевдо-Скимна (составленного, видимо, во второй половине II в. до н.э.) иногда отклоняется от своего морского маршрута в глубину материка, – в частности, когда повествует о земле кельтов или скифов.

Насколько нам представляется, географические сочинения Гекатея и Скилака не так уж и сильно отличались друг от друга. Правда, от первого дошло огромное количество фрагментов (намного более трех сотен)¹¹, а от второго, к сожалению, очень небольшое. При имеющемся состоянии источниковой базы не может быть решен вопрос о том, кому из этих двух принадлежит хронологический приоритет.

* * *

Итак, именно тех трех авторов, о которых шла речь, следует считать древнейшими греческими географами, и именно к их данным нам теперь надлежит обратиться. Начнем с того, что с именами двух из них – Анаксимандра и Гекатея – традиция связывает, как упоминалось выше, создание географических карт. Приведем соответствующие свидетельства.

Strabo I. 1. 1: «Мы считаем, что это занятие достойное философа – если уж какое-либо другое, то и география... Ведь и первыми дерзнувшими ее коснуться стали люди такого рода: и Гомер, и Анаксимандр Милетский, и Гекатей, его согражданин...». Известно, что для Страбона Гомер – географ номер один. А вот географами номер два и номер три для него оказываются, как видим, именно Анаксимандр и Гекатей. Далее

¹⁰ О которой см. теперь нашу совсем новую статью (Суриков 2021), в которой, подчеркнем, мы рассматривали только средиземноморский материал периегезы и не касались причерноморского, который будет фигурировать в данной работе.

¹¹ Опубликован их перевод, выполненный нами: Гекатей Милетский 2021.

он называет имена и других ученых (Эратосфена, Полибия, Посидония и т.п.), но относящихся уже к гораздо более позднему времени. О карте в данном пассаже ничего не говорится; но вот что читаем у Страбона в другом месте, во многом аналогичном по содержанию.

Strabo I. 1. 11: «А теперь пусть будет достаточно сказанного о том, что Гомер основал географию. Известны и мужи, последовавшие за ним, достойные упоминания и причастные философии; из них Эратосфен называет первыми после Гомера двух – Анаксимандра, являвшегося приятелем и согражданином Фалеса, и Гекатея Милетского: один из них ведь первым-де издал географическую карту, а Гекатей оставил сочинение, свидетельство подлинности которого берется из других его писаний». Тут упомянута только карта Анаксимандра; сообщения же о карте Гекатея имеются у более поздних авторов – Агафемера и схолиаста к Дионисию Периегету. Вот они.

Agathem. I. 1: «Анаксимандр Милетский, слушатель Фалеса, первым дерзнул начертить на карте ойкумену. После него Гекатей Милетский, муж, много путешествовавший, так ее усовершенствовал, что плодом его труда восхищались. Ведь Гелланик Лесбосский, муж многосведущий во многих отношениях, просто дал повествование¹²». Schol. Dion. Perieg. p. 428, 7 Muell.: «Кто прежде того изобразил на карте ойкумену? Первым – Анаксимандр, вторым – милетянин Гекатей, третьим – Демокрит, ученик Фалеса¹³, четвертым – Евдокс». В связи с картой Гекатея Ф. Якоби во «Фрагментах греческих историков» приводит также следующие пассажи.

Agathem. I. 1 = Hecat. FGrHist. 1. F36a. «Итак, древние изображали ойкумену круглой, в середине ее располагалась Эллада, а в середине этой последней – Дельфы; ведь там был пуп земли. А Демокрит первым... осознал, что земля продолговата и ее длина в полтора раза больше ширины; с этим согласился и перипатетик Дикеарх. Евдокс же считал, что длина земли вдвое больше ширины; а Эратосфен – что даже более, чем вдвое». Herod. IV. 36 = Hecat. FGrHist. 1. F36b. «А я смеюсь, смотря на тех, кто написал очерки земли – их уже много, и ни один ничего вразумительно не объяснил: они пишут, что Океан течет вокруг земли, которая является круглой, как бы очерченной циркулем, и делают Азию равной по размеру Европе».

Сам Геродот считал, что Европа гораздо больше Азии. Но дело здесь в том, что ранние картографы (в том числе и Гекатей) включали Ливию (Африку) в Азию, а не выделяли ее как особую часть света. Характерно,

¹² По контексту – в отличие от Гекатея, который сопроводил свой труд картой.

¹³ Фалес здесь упомянут явно некстати. Если имеется в виду Демокрит Абдерский (а хронологическая последовательность перечисленных в свидетельстве авторов говорит именно об этом), то он был учеником Левкиппа, а Фалес жил гораздо раньше.

что труд Гекатея состоял из двух книг: «Европа» и «Азия», африканский материал включался во вторую. Вопросы о том, где наш географ проводил границу между Европой и Азией в наиболее проблематичной части – как раз в регионе Понта Эвксинского, – мы еще коснемся ниже.

Строго говоря, в приведенных здесь свидетельствах имя Гекатея не упоминается, однако Якоби все-таки вполне основательно приводит их в связи с этим ученым. Мы бы, со своей стороны, напомнили в той же связи еще одно важное геродотовское сообщение. Вскоре после начала Ионийского восстания 500–493 гг. до н.э. его лидер Аристагор Милетский прибыл послом в Спарту с просьбой о военной помощи¹⁴. «Аристагор, по словам лакедемонян, принес с собой медную доску, где была вырезана карта всей земли, а также “всякое море и реки”... Аристагор показывал земли на карте, вырезанной на меди, которую он принес с собой» (Herod. V. 49).

Для нас практически несомненно, что Аристагор захватил с собой именно карту Гекатея. Оба они жили и действовали в Милете, являлись влиятельными его гражданами и, соответственно, не могли быть незнакомы. Более того, опять же из Геродота, а также из Диодора известно, что Гекатей играл определенную роль в Ионийском восстании, – во всяком случае, принимал участие в советах лидеров повстанцев (Herod. V. 36; V. 124–125; Diod. X. 25. 4).

Итак, в источниках говорится о том, что Гекатей «усовершенствовал» карту Анаксимандра. В чем же заключалось это усовершенствование? Карта Анаксимандра, насколько можно судить, была предельно простой, чуждой какой-либо детализации. Именно такой представляют ее современные реконструкции¹⁵. Главной целью этой карты было не приводить подробности о странах, народах, городах и т.п., а продемонстрировать некий общий принцип, согласно которому Земля имеет форму плоского диска (точнее, очень невысокого цилиндра), как представлял ее милетский мыслитель. Соответственно, при взгляде сверху она будет выглядеть круглой. «Карта Анаксимандра изображала круглую Землю, симметрично разделенную на два полукруглых континента, отделенных друг от друга водами Средиземного моря... и всё обрамляется кругом Океана» (Munn 2006. P. 186). Иными словами, Анаксимандр подходил к картографированию исключительно как натурфилософ, а дескриптивная география его нимало не интересовала. И характерно, что собственно географических фрагментов от его труда «О природе» не дошло, как отмечалось и выше (и поэтому далее нас Анаксимандр интересовать не будет).

¹⁴ К рассказу Геродота об этом посольстве Аристагора см.: Pelling 2007.

¹⁵ См., например, реконструкцию в: Munn 2006. P. 187.

Совсем другое дело – Гекатей. По колоссальному количеству топонимов и этнонимов, упоминающихся во фрагментах его периегезы, можно судить, насколько подробной, насыщенной, информативной была его карта. В этом и заключалось усовершенствование: «голая идея» Анаксимандра была, так сказать, насыщена плотью и кровью. Карта, несомненно, составляла единое целое с периегезой Гекатея. С одной стороны, можно назвать ее иллюстрацией к периегезе, приложением к ней; но, с другой стороны, можно ведь посмотреть на вещи и под другим углом, воспринимая трактат-периегезу как, в сущности, развернутый комментарий к карте.

К данным Гекатея о понтийском регионе (таковые данные имеются во вполне достаточном количестве) мы обратимся уже вскоре. Но перед этим нам хотелось бы обратиться к тому материалу об этих местностях, которые содержатся у третьего из авторов, фигурирующих в данной статье, – у Скилака Кариандского. Вот этого материала как раз крайне мало (от Скилака и в целом сохранилось, в отличие от Гекатея, очень незначительное количество фрагментов), и его разбор не займет у нас много места. Информация, предоставляемая Скилаком, относится, строго говоря, не к самому Черному морю, сколько к его окрестностям, к таким областям, как Мисия, Вифиния, Троада.

Scyl. FGrHist. 709. F10 = Schol. Apoll. Rhod. I. 1177/1178a (к словам: «В это время достигли герои [Аргонавты. – *И. С.*] страны Кианиды / Возле Арганфонецкой горы и Киосского устья. / Приняли их дружелюбно... мисийцы, / Жители этой земли»): «В описательном смысле о Киосе. Это – город в Мисии, названный в честь Кия, основавшего там колонию милетян, как повествует Аристотель в “Киосской политике”. Населяли же его вначале мисийцы, затем – карийцы, третьими – милетяне. Есть и река, называемая так же и обтекающая город; о ней упоминает Скилак Кариандский».

Этот фрагмент (в нем и в нескольких следующих речь идет о зоне Черноморских проливов) не принадлежит к особенно информативным. В сущности, чего-то принципиально нового мы из него не узнаем. Впрочем, задержимся на данном месте из сохранившихся к Аполлонию Родосскому чуть дальше – в иной связи, безотносительно к Скилаку. Просто не можем об этом не упомянуть.

Речь тут идет о небольшом городе Киосе в Мисии (позже он вошел в состав Вифинии и в эллинистическое время был переименован в Прусиаду). Киос – милетская колония, основанная, по данным других источников, во второй половине VII в. до н.э. (Tsetskhladze, Hargrave 2010. P. 393). И вот, в сохранившихся источниках говорится, что ее ойкисмом был некий Кий (собственно, в оригинале имя этого человека полностью совпадает с названием города), в честь которого апоикия была названа.

Что в этом сообщении знаменательного? Традиционно считалось, что практика наименования колоний в честь основателей прижилась у греков достаточно поздно, около середины IV в. до н.э. В свое время известный специалист по греческой колонизации И. Малкин посвятил специальную статью опровержению этого мнения (Malkin 1985). Он считал, что уже в архаическую эпоху можно указать несколько прецедентов подобного же рода.

Впрочем, аргументация этого исследователя выглядела во многом шаткой и уязвимой. Приведенные им примеры были проанализированы нами (Суриков 2012), и мы пришли к выводу, что большинство их являются либо irrelevantными (когда речь идет о *мифических* основателях, как Визант или Тарант, а не о реальных лицах), либо в высшей степени сомнительными (как в случае с афинянином Солоном, в чью честь будто бы был назван кипрский город Сола). Оставались, в сущности, два города на Тамани – Фанагория и Гермонасса, основанные в VI в. до н.э. Эти два уникальных случая, признаться, озадачивали (тем более если учитывать, что речь идет о двух городах, лежащих буквально по соседству друг с другом), и мы в работе, на которую сослались чуть выше, попробовали предложить иную этимологию обоих топонимов, связывающую их не с ойкистами, а возможно, с эпиклезами божеств.

Ныне мы, пожалуй, уже далеко не под всем подписались бы в этой своей статье, да и в целом весь вопрос получил «новое измерение» в связи с тем, что несколько лет назад стала известна весьма ранняя (около 520-х гг. до н.э.) фанагорийская надпись (граффито)¹⁶, в которой ФАНАГР и первоиздатель Н.В. Завойкина, и другие участники дискуссии об этом памятнике (Шелов-Коведяев 2018; Сапрыкин 2019) восстанавливают в сокращенное и искаженное имя Фанагора (спор между ними идет по вопросу о возможном падеже, в котором оно стояло). Последний, таким образом, оказывается в их глазах не кем иным, как тем самым героизированным ойкистом теосской колонии (в надписи, помимо его имени, читаются теонимы). Это вполне допустимо (допустимо, впрочем, и то, что здесь перед нами сокращенное и искаженное название самого города Фанагории, чего, кажется, никто еще не предлагал; также по-прежнему не исключен вариант с эпиклезой Аполлона, тем более что в том же граффито Н.В. Завойкина находит еще одну эпikleзу, и тоже Аполлонову: Ἰῆος), и в любом случае проблема действительно нуждается в самом пристальном осмыслении.

Здесь углубляться в нее не имеет смысла, да это и увело бы нас слишком далеко от основной нити изложения. Вернемся к Киосу, архаической

¹⁶ См. теперь об этой надписи (с замечаниями по истории вопроса) статью ее первоиздателя: Завойкина 2020.

колонии, основанной, повторим, во второй половине VII в. до н.э. В нарративном источнике эксплицитно упомянуто, что город был назван в честь своего основателя, милетянина. Отвергать достоверность этого сообщения нет прямых оснований, тем более что оно дается со ссылкой на такого авторитетнейшего ученого, как Аристотель, да к тому же на его «Киосскую политику» (Arist. fr. 514 Rose, единственный сохранившийся фрагмент из трактата «Киосская политика»). Над циклом «Политий», как известно, работал под руководством Аристотеля весь Ликей, сотрудники которого, следуя традициям этой школы, скрупулезнейшим образом собирали данные. Из этого цикла до нас дошла «Афинская политика», и про нее ответственно можно сказать, что это один из самых ценных и надежных нарративных источников по древнегреческой истории. Следует полагать, что теми же характеристиками отличались и остальные «Политии».

Да и кому (а главное, зачем?) потребовалось бы придумывать информацию о происхождении названия Киоса? Подчеркнем, что здесь перед нами не мифологический персонаж, как, скажем, Визант, которого традиция называла основателем Византия, но при этом помещала в далекую легендарную эпоху, до Троянской войны, в то время как Византий в действительности возник тоже в VII в. до н.э. (подробнее об основании Византия и проблеме его основателя или основателей см.: Russell 2017. P. 205–241; Prandi 2020. P. 17–28). Нет, тут перед нами вполне историческое время: архаический период, пора Великой греческой колонизации, едва ли не самым активным участником которой, как известно, являлся как раз Милет, ставший метрополией для нескольких десятков апоекий. В территориальном отношении милетская колонизационная активность была направлена преимущественно в зону Черноморских проливов, а далее – на побережья Понта Эвксинского.

Одним словом, если бы И. Малкин в своей вышеупомянутой статье привел данный пример с Киосом, он стал бы чрезвычайно весомым аргументом в пользу его гипотезы о том, что уже в период архаики город мог получить имя своего основателя. Настолько весомым, что, собственно, вопрос можно было бы считать практически решенным положительно. К сожалению, исследователь упустил из виду этот аргумент, который мог бы очень ему помочь.

Но вернемся к фрагментам Скилака. Scyl. FGrHist. 709. F11 = Strabo XII. 4. 8, p. 566: «А о том, что Вифиния населена мисийцами, прежде всего свидетельствует Скилак Кариандский, говоря, что вокруг Асканийского озера живут фригийцы и мисийцы, а после него – Дионисий, со-

ставивший “Основания”¹⁷ ... и Евфорион¹⁸ ... и Александр Этолийский¹⁹ подтверждают то же самое, поскольку нельзя найти никакого другого Асканийского озера, кроме тамошнего». Здесь мы по-прежнему остаемся в том же регионе, в пределах Мисии и Вифинии.

К зоне Черноморских проливов относится и следующий фрагмент. Это важный пассаж из Страбона, в котором говорится о границах Троады, как они понимаются разными авторами. Он представляет собой интерес применительно к взглядам не только Скилака, но и некоторых других ранних ученых, писавших по географическим сюжетам (Харона Лампсакского, Дамаста Сигейского²⁰), и обязательно должен быть приведен полностью.

Scyl. FGrHist. 709. F12 = Char. FGrHist. 262 F13 = Damast. FGrHist. F9 = Strabo XIII. 1. 4, p. 582–583: «Однако, поскольку эолийцы рассеялись по всей стране, которую, как мы говорили, поэт (Гомер. – И. С.) называет троянской, из тех, кто жил позже, одни именуют Эолидой ее всю, а другие – ее часть, и Троей – одни всю ее, а другие – часть, совершенно ни в чем не соглашаясь друг с другом. Ведь Гомер указывает начало Троады прямо у мест по Пропонтиде, от Эсеп²¹; а Евдокс²² – от Приапа и Артаки, местечка на острове кизикийцев, обращенного к Приапу, изменяя ее границы²³ в меньшую сторону. Дамаст же еще сильнее сокращает ее, начиная от Пария; и, опять же, он продолжает ее до Лекта, а у других – иначе. Харон Лампсакский отнимает еще триста стадиев, начиная Троаду от Практия (ведь именно такое расстояние от Пария до Практия), а продлевает до Адрамиттия. А Скилак Кариандский начинает ее от Абидоса; подобным же образом Эфор²⁴ говорит, что Эолида простирается от Абидоса до Кимы, а у других – иначе».

Перед нами свидетельство кипевших в древнегреческой литературе с достаточно раннего времени острых споров историко-географического характера. Порождены они, в частности, тем, что в архаическую эпоху имели место колонизация и освоение Троады греками Эолиды. Поскольку два этих региона, находясь рядом, соприкасались до того тесно, что

¹⁷ Было несколько античных географов, носивших очень распространенное имя «Дионисий». Здесь с наибольшей вероятностью имеется в виду Дионисий Халкидский (IV в. до н.э.), написавший сочинение об основании городов.

¹⁸ Евфорион Халкидский, эпический поэт III в. до н.э.

¹⁹ Поэт (лирик и драматург) рубежа эпох классики и эллинизма.

²⁰ Харон и Дамаст были прежде всего историками, но интересовались и географией. Они, впрочем, писали уже в V в. до н.э. и поэтому не могут быть отнесены к самому первому поколению греческих географов.

²¹ Название реки. В дальнейшем изложении фигурируют различные троядские топонимы.

²² Евдокс Книдский, разносторонний ученый IV в. до н.э.

²³ «Границы» – поправка издателей; в тексте Страбона ошибочное «горы».

²⁴ Эфор из Кимы – один из крупнейших историков IV в. до н.э., представитель риторической историографии.

могли с какого-то момента начать восприниматься как единое целое, в действительности таковым не являясь, закономерно стал актуальным вопрос об их разграничении (как неоднократно отмечалось, в пространственных представлениях категория границы – одна из ключевых, если не самая ключевая).

Где тот или иной автор видел границы Троады и Эолиды (почему, скажем, Дамаст видел их так, а Харон – иначе, а Скилак – еще иначе) – это, несомненно, зависело от каких-то злободневных факторов, действовавших в их время, в частности, от политического соперничества полисов. Детали этого соперничества от нас теперь уже ускользают. Впрочем, бросается в глаза, что исходным звеном «цепочки мнений» предстает здесь «Илиада» Гомера, в которой, кстати, Троада имеет наибольшую величину, а последующие авторы ее уменьшают. Здесь перед нами, между прочим, аналогия с тем, как Гомер воспринимал соседний с Троадой Геллеспонт. Для него это не только нынешний Дарданелльский пролив (как Геллеспонт понимали в более позднее время), но также и акватории, прилегавшие к нему как с юго-запада (северо-восточная часть Эгейского моря), так и с северо-востока (Пропонтида – полностью или частично, иногда даже Боспор Фракийский)²⁵.

Наконец, еще один фрагмент Скилака, сохраненный весьма поздним писателем – византийским императором Константин VII Багрянородным (X в.) – в трактате «О фемах» (фемами назывались, как известно, единицы административного деления в тогдашней Византийской империи).

Scyl. FGrHist. 709. F13 = Const. Porph. De them. I. 2: «Фема, называемая Армениаком, имеет не собственное имя, и название ее не является древним... Ведь ни Страбон не упоминает о таком названии... ни Менипп²⁶, записавший расстояния во всем населенном мире, ни Скилак Кариандский, конечно, ни Павсаний²⁷ и никто другой из авторов исторических сочинений». Фема Армениак была создана в VII в., включала территории Понта, Малой Армении и Северной Каппадокии. Совершенно не удивительно, что у античных авторов не упоминается фема, созданная (и получившая название) в послеантичное время. Здесь перед нами, если так можно выразиться, «отрицательное свидетельство», сообщающее о том, чего Скилак (ожидаемо) не говорил. Из него можно сделать только тот вывод, что Константин Багрянородный был знаком с периплом Скилака. Впрочем, нет, – даже и такого вывода сделать нельзя. Ибо император вполне мог читать на самом деле перипл Псевдо-Скилака и говорить здесь именно о нем. Даже скорее всего, что именно так обстоит дело,

²⁵ В связи с пониманием Геллеспонта Гомером, а также с проблемами эолийской (и ионийской) колонизации этого региона сошлемся на свою большую статью: Суриков 2013.

²⁶ Менипп Пергамский, географ I в. до н.э.

²⁷ Видимо, имеется в виду известный переигет II в. н.э.

ибо перипл Псевдо-Скилака с определенного момента имел хождение в качестве «перипла Скилака».

* * *

А теперь перейдем, наконец, к релевантным фрагментам Гекатея Милетского. Приводить и рассматривать их мы будем не в том порядке, в каком они даны у Якоби, а руководствуясь определенной внутренней логикой изложения. Предварительно оговорим, что географический трактат милетянина представлял собой практически исчерпывающую периегезу известных на тот момент земель, включая, естественно, побережья Черного и соединяющегося с ним Азовского морей.

Касательно последнего приведем, например, такую цитату из Руфа Феста Авиена – римского географа IV в. н.э., из его ученой поэмы «Морские берега», сохранившейся фрагментарно (Avien. Or. mar. 32 sqq. = Hecat. FGrHist. 1. T23):

Спросил ты, если помнишь: Меотийского
Где положенье моря²⁸? У Саллюстия,
Как я узнал...
... есть моря описание,
И знаменитое²⁹ ...
...Много почерпнули мы,
Связав, из разных мест. И был средь авторов,
Конечно, Гекатей Милетский – самый тот;
Гелланик был Lesbосский...

Из сказанного здесь вытекает, что у Гекатея содержалась, в числе прочего, и информация о Меотиде. Что же касается Черного моря, характерен следующий пассаж (источник, из которого взята цитата, – «Гомеровские эпимеризмы», анонимный византийский грамматический трактат, видимо, IX в.; эпимеризм – разбор слова по составу):

Hecat. FGrHist. 1. F196 = Epimer. Nom. Gram. An. Ox. I. 287, 28: ««Измерено» (μετρέαται)³⁰: это по-ионийски. Ведь как вместо “обдуманы” – “обдуманно” и вместо “сохранены” – “сохранено”, так же вме-

²⁸ Т.е. Азовского моря.

²⁹ Если таковое и было у Саллюстия, одного из лучших римских историков (I в. до н.э.), мы его не имеем. Оно могло, например, содержаться в Саллюстиевой «Истории», в связи с Митридатовыми делами.

³⁰ В этом фрагменте мы пытаемся посылно передать неперебиваемую игру слов, имеющую место в греческом оригинале. Речь идет о том, что в ионийском диалекте *μετρέαται* вместо аттического *μετρέονται* (аналогично и с окончаниями в далее приводимых примерах), что на первый взгляд может создать иллюзию формы третьего лица единственного числа, а не множественного.

сто “измерены” (μεμέτρηται) – “измерено” (μεμετρέαται) у Гекатея...³¹: “Итак, мной измерено следующим образом Боспор, Понт, а также Геллеспонт (ὁ μὲν οὖν Βόσπορος καὶ ὁ Πόντος οὕτω καὶ ὁ Ἑλλήσποντος κατὰ ταῦτά μοι μεμετρέαται)”. И у Гиппонакта... “подвигнуто”; и Анакреонт... “отрублено”; и “наброшено”».

Здесь перед нами дословная цитата из Гекатея, причем с диалектальной ионийской особенностью (фрагменты, содержащие дословные цитаты, а не пересказ, по понятным причинам являются наиболее ценными, но они, увы, редки), в которой появляется важное понятие измерения пространств (в данном случае водных). Кстати, эта фраза имеет большое (хотя не дословное) сходство с одним местом у Геродота (Herod. IV. 86), что заставляет задуматься. Если не считать, что здесь под видом цитаты из Гекатея дана геродотовская (а это маловероятно, поскольку, повторим, полного текстового совпадения нет), то, получается, Геродот заимствовал данные об измерениях названных водных бассейнов у Гекатея?

Как мы указываем в другом месте (Суриков 2011. С. 288–290), сам Геродот, вопреки тому, что он утверждает, лично не измерял и не мог измерять длину, во всяком случае, Черного моря в западно-восточном направлении, поскольку никогда не совершал сквозного плавания по его «длинной» стороне – ни по южной, ни по северной. Но если он опирался на Гекатея, то резонно поставить вопрос: а измерял ли Понт милетянин, и если да – то как?

Здесь, правда, перед нами возникает проблема, порождаемая тем, что, если о путешествиях Геродота, о том, где он бывал в течение жизни, мы осведомлены достаточно детально³², то о соответствующем аспекте деятельности Гекатея сведений почти нет. Строго говоря, доподлинно мы знаем только о посещении им Египта. Разумеется, Гекатей уж точно не был домоседом. Всё говорит о нем как о типичном представителе ионийской интеллектуальной элиты, а этот слой вообще отличался чрезвычайно большой мобильностью. Гекатея отличали широта кругозора и большая эрудиция – эти качества, скорее всего, были им приобретены в ходе многочисленных странствий по миру. Неслучайно Агафемер в процитированном выше свидетельстве (Agathem. I. 1) характеризует милетского географа так – «муж, много путешествовавший». Ф. Якоби считает (Jacoby 1912. Sp. 106), что в этом пассаже сознательно противопоставлены друг другу Гекатей как ἀνὴρ πολυπλανής и живший позже Гелланик Лесбосский как ἀνὴρ πολυίστωρ. Последний предстает перед нами как своего рода «кабинетный ученый», в отличие от «вечного странника» Гекатея.

³¹ Перед идущей далее цитатой из Гекатея Якоби предполагает лауну.

³² См. посвященную этому вопросу книгу: Lister 1979.

Но одно дело странствовать, в т.ч. и с познавательными целями, а другое дело – заниматься в пути измерением расстояний; одно не предполагает другого с неизбежностью. Нам представляется более правомерным несколько иное решение проблемы, заключающееся в том, что Гекатей провел измерения, о которых здесь идет речь, не «в натуре», а по карте – по своей знаменитой карте, создание которой является одной из главных его заслуг. Для работы же над картой ее составителю, естественно, вовсе не требуется лично побывать во всех тех местах, которые на ней отображены. Тем более что свою карту Гекатей создавал не «с нуля»: он, как мы видели выше, усовершенствовал предыдущую, принадлежащую Анаксимандру Милетскому.

Приведем еще один небезынтересный фрагмент Гекатея о Черном море. Его источник – Аммиан Марцеллин, известнейший позднеантичный историк (вторая половина IV в. н.э.); будучи греком, свой труд *Res gestae* (по-русски обычно издается как «Римская история») написал на латинском языке.

Hecat. FGrHist. 1. F197 = Ammian. Marcell. XXII. 8. 9–13: «Таким образом разделяясь и заканчиваясь соединением двух морей, теперь уже оно³³, становясь более спокойным, простирается подлинно морским простором, раскинувшись широко и далеко, доколе только достигает взгляд. Прибрежное плавание же по всему нему³⁴ – как если бы огибать остров – имеет протяженность в двадцать три тысячи стадиев, как утверждают Эратосфен, Гекатей, Птоломей³⁵ и другие скрупулезнейшие исследователи дел этого рода; образ моря, согласно всей географии³⁶, уподобляется скифскому луку с натянутой тетивой (*speciem Scythici arcus, nervo coagmentati, geographiae totius adsensione formatur*)... А оконечности лука с обеих сторон образуют два узких Боспора, противоположных друг другу, – Фракийский и Киммерийский».

Здесь перед нами появляется знаменитый, столь популярный в античности образ Черного моря как скифского лука. Кем он, кстати, был впервые придуман? Думаем, на роль изобретателя столь запоминающейся метафоры может с наибольшим основанием претендовать именно Гекатей. В вышеприведенном пассаже фигурируют три имени, но два остальных – Эратосфен и Клавдий Птоломей – принадлежат авторам, заведомо намного более поздним, нежели милетянин.

Коснемся теперь вопроса о том, где в районе Понта Эвксинского Гекатей проводил границу между Европой и Азией. Для более западных

³³ Якоби здесь поясняет в скобках: “*sc. mare Aegaeum*”. Но, строго говоря, речь здесь идет о «стыке» Эгейского и Черного морей.

³⁴ А вот тут уже речь идет собственно о Черном море.

³⁵ Так у Аммиана Марцеллина. Речь идет, естественно, о Клавдии Птолемее.

³⁶ Т.е. согласно всем представителям географической науки.

регионов направление этой линии вполне ясно: через Гибралтарский пролив, Средиземное море, Эгейское море, Черноморские проливы. Потом сам Понт, а дальше?

Этому интересному вопросу недавно посвятила специальную статью В.Т. Мусбахова (2014). В ней проблема трактуется в контексте эволюции общегреческих взглядов на локализацию этой границы. Не со всеми положениями автора мы можем вполне согласиться, но тем не менее теперь дальнейшие научные разработки по проблеме должны учитывать и эту работу.

Говоря в максимально обобщенном виде, ситуация, судя по всему, развивалась так. Изначально греки предполагали, что на крайнем востоке две части света разделяет река Фасис (Риони), вытекающая из Океана и впадающая в Черное море; именно такие представления отразились в мифе об аргонавтах. В частности, как раз Гекатей, передавая легенду об их плавании, пишет, что на возвратном пути аргонавты «из Фасиса прошли в Океан, затем оттуда в Нил, а из него в наше море (т.е. Средиземное море. – *И. С.*)» (Hecat. FGrHist. 1. F18; ср. F302)³⁷.

Затем эта роль перешла к Гипанису (Кубани) и, наконец, к Танаису (Дону), за которым и закрепилась. Правда, В.Т. Мусбахова считает, что в раннюю эпоху Фасисом называлась та река, которая потом стала Гипанисом, т.е. Кубань, и только позднее топоним Фасис был перенесен на Риони. Но эта гипотеза влечет за собой ряд далеко идущих допущений, которые трудно согласовать с наличными фактами. В частности, поскольку Фасис в мифологии тесно связан с царством Ээта, то само это царство приходится локализовать «в бассейне Кубани» (Мусбахова 2014. С. 93). Это ровно ни из чего не следует. Царство Ээта помещалось все-таки в Колхиде, то есть к югу от Кавказского хребта, а не к северу от него. Либо надо искать (и вряд ли такой поиск увенчается успехом) каких-то доказательств в пользу того, что греки когда-либо понимали под Колхидой не Восточную Грузию, а некий иной регион.

Другое дело, что саму Колхиду могли иногда именовать «Скифией», то есть относить этот регион к Скифии (в широком смысле слова). Так, в одном из фрагментов Гекатея (в том виде, как он передается в схолиях к Аполлонию Родосскому), повествующем о бегстве Фрикса на златорунном баране к царю Ээту, говорится, что баран унес героя «в Скифию» (εἰς τὴν Σκυθίαν)» (Hecat. FGrHist. 1. F17 = Schol. Apoll. Rhod. I. 256). Видимо, схолиаст (но вряд ли сам Гекатей) воспринимал Колхиду именно как часть Скифии.

Впрочем, в конце концов данный нюанс для нас не столь уж принци-

³⁷ Это – архаическая географическая концепция, исследованию которой посвятил ряд работ А.В. Подосинов (итоговая из них – Подосинов 2015).

пиален: речь в статье идет не о Колхиде. Важнее другое: какая река во времена Гекатея (и, соответственно, им самим) принималась за границу между Европой и Азией? Дон или еще Кубань (ясно, что в любом случае уже не Риони)? Ко времени творчества Геродота вопрос был окончательно решен в пользу Дона, а вот о том, что это случилось уже при Гекатее, нельзя утверждать со всей категоричностью; неслучайно и В.Т. Мусбахова в данной связи выражается достаточно осторожно³⁸.

Вероятно, лучшим способом внести хотя бы какую-то определенность будет рассмотрение сохранившихся фрагментов, содержащих информацию по этой тематике. Одним из самых характерных (но и самых проблематичных, маловразумительных) среди них является следующий, не содержащий прямой цитаты из Гекатея (более того, имеющий стихотворную форму, в то время как Гекатей писал, естественно, прозой) и даже непонятно, к нему ли восходящий (Hecat. FGrHist. 1. F195 = Anon. Periopl. Pont. Eux. 49):

Там от меотов³⁹ имя получившее
Лежит затем болото Меотийское.
В него же Танаис
Течет; начало от реки Аракса⁴⁰ он
Берет, как эретриец⁴¹ Гекатей писал,

³⁸ «Сохранившиеся фрагменты “Землеописания”, хотя и не дают абсолютно ясной картины, свидетельствуют в основном (курсив наш. – И. С.) в пользу Танаиса как границы материков...» (Мусбахова 2014. С. 83). Кстати, совершенно не обязательно напрямую увязывать (как это делает В.Т. Мусбахова) данный вопрос с вопросом о том, считал ли Гекатей Каспийское море заливом Внешнего Океана.

³⁹ Меотами называли обширный и, судя по всему, неоднородный конгломерат племен, обитавших в регионах к югу и востоку от Азовского моря и со временем в основном покоренных правителями Боспора (последние в своей титулатуре с определенного момента именуются царями всех меотов, например: КБН 1015, 1039, 1040). Насколько можно судить, например, по данным топонимики (часто фигурирует звуко сочетание *nc*, особенно в гидронимах), в языковом отношении меоты по большей части принадлежали к кавказской группе. Особой проблемой является этническая принадлежность синдов, которых то включают, то не включают в число меотов. Высказывались версии вплоть даже до такой, согласно которой синды – осколок древних индоариев.

⁴⁰ Название «Аракс» в древности применялось к нескольким рекам Азии. Ясно, что здесь имеется в виду не та река, которая и поныне называется Араксом; это – приток Куры, текущий на восток, в сторону, противоположную Дону. Значительно вероятнее, что речь идет о том Араксе, который называли также Оксом, т.е. о нынешней Амударье. В рассматриваемом пассаже как-то отразились представления, относящиеся к палеогеографической ситуации эпохи Геродота, когда уровень Каспийского моря (и, соответственно, его размеры) стоял на очень низкой отметке. Но налицо также и путаница. Так, ниже упоминается об озере, но ни Дон, ни какой-либо из его важнейших притоков не вытекает из крупного озера.

⁴¹ Испорченное место. Возможно, следует предпочесть эмendaцию, принимаемую Диллером и Маркоттом – «теосец». Речь, очевидно, идет о Гекатее Абдерском, а Абдеры являлись колонией Теоса. Гекатей Абдерский писал на рубеже IV–III вв. до н.э. Впрочем, действительно существовал и менее известный автор Гекатей Эретрийский, работавший примерно в то же время. Якоби

А по Эфору – он течет из озера,
Чей край неведом. И имеет Танаис
Два устья⁴²: выход к Меотиде – первое,
Второе же – к Боспору Киммерийскому.

Источник фрагмента – т.н. перипл Псевдо-Арриана, в действительности составленный кем-то в позднеантичное или ранневизантийское время⁴³. Здесь этим неизвестным автором цитируется отрывок из той части стихотворного перипла Псевдо-Скимна, которая сохранилась только фрагментарно (Ps.-Scymn. 865–873 Müller). Отнесение данного пассажа к «Азии» (как первоначально сделал Якоби), а не к «Европе» Гекатея представляется нам проблематичным (да и издатели труда Псевдо-Скимна обычно относят его к главе «Европа» его перипла); кажется, и сам Якоби не был в нем вполне уверен. Более того, он был не уверен (да и многие не уверены) даже в том, что в качестве источника здесь фигурирует именно Гекатей-милетянин, а не более поздний автор того же имени (см. выше примеч. 41). Одним словом, лучше на основании столь сомнительного фрагмента ответственных выводов не делать.

Однако есть несколько фрагментов, которые, с одной стороны, надежно атрибутируются Гекатею Милетскому (а не Абдерскому), а с другой – позволяют, кажется, внести несколько большую ясность. Приведем и их. Hecat. FGrHist. 1. F191 = Steph. Byz. s.v. Δανδάριοι: «Дандарии. Племя близ Кавказа, как пишет Гекатей в “Европе”». Hecat. FGrHist. 1. F192 = Steph. Byz. s.v. Τιλάνισσαι: «Типаниссы (этноним в рукописях испорчен. – И. С.). Племя у Кавказа. Гекатей в “Европе”».

Как нам представляется, из этих пассажей довольно ответственно можно делать вывод о том, что Танаис для Гекатея – не граница Европы и Азии. Ведь речь здесь идет о племенах, живших южнее Дона, в Прикубанье (в частности, дандарии относились к меотской группе), а в то же время они появляются в гекатеевой «Европе», а не в «Азии». Кстати, дандарии, которые упоминаются в первом из только что процитированных фрагментов, фигурируют, как известно из многих надписей, в титулатуре

в первом издании первого тома FGrHist включил данный пассаж в число фрагментов Гекатея Милетского. Однако впоследствии он изменил свое мнение в пользу авторства Гекатея Абдерского, что и оговорил в addenda, включавшихся им в дальнейшие переиздания тома: “F195 ist zu streichen: die Beziehung auf den Abderiten scheint sicher” (Jacoby 1995, *4). Ссылаемся на последнее по времени переиздание данного тома; цифрами со звездочкой пронумерованы страницы addenda (этот раздел в томе имеет отдельную пагинацию).

⁴² Свидетельство о «двух устьях» Дона – тоже несомненное недоразумение. Возможно, за второе устье был принят какой-то из рукавов Кубани.

⁴³ М.В. Агбунов признает за этим памятником арриановское авторство (например: Агбунов 1992. С. 209), но здесь его мнение стоит особняком.

правителей Боспора первой половины IV в. до н.э. как племя, подвластное им. Поэтому их имя на слуху у всех специалистов по боспорской истории. Однако обратим внимание, сообщение Гекатея имеет хронологический приоритет по отношению ко всем этим эпиграфическим памятникам. Оно, кажется, является вообще самым первым сохранившимся свидетельством о дандариях.

С другой стороны, та территория, которая ныне является Таманским полуостровом, Гекатеем причислялась уже к Азии. Об этом свидетельствуют два фрагмента. *Hecataei FGGrHist. 1. F211 = Steph. Byz. s.v. Αλάτουρον*: «Апатур. Святилище Афродиты в Фанагории, Страбон в 11-й книге... А Гекатей знает залив Апатур в Азии». *Hecataei FGGrHist. 1. F212 = Steph. Byz. s.v. Φαναγόρεια*: «Фанагория. Город, названный по Фанагору, как говорит Гекатей в “Азии”. Есть остров Фанагора и Фанагория. Имеется также эмпорий Фанагории (название склоняется по среднему роду)»⁴⁴.

Таким образом, выбор, судя по всему, следует делать в пользу Гипаниса-Кубани как границы Европы и Азии для Гекатея. Правда, и здесь необходимы некоторые оговорки. Дельта Кубани на протяжении веков сильно меняла свой вид и характер. Так, ныне наиболее полноводным из кубанских гирл является самое северное (т.н. Протока), а самое южное (т.н. Старая Кубань) совсем обмелело. В античности же локальные условия были совершенно иными и, помимо прочего, на месте Таманского полуострова находился большой остров⁴⁵, который, как видим, Гекатеем воспринимался как тяготеющий все-таки к Азии. Похоже, этот самый остров у историка и назван «островом Фанагорой».

Итак, именно в «Описании Земли» Гекатея содержалось самое раннее упоминание о Фанагории – одной из самых известных древнегреческих колоний на территории России, впоследствии – втором по значению центре Боспорского царства. И сделано это упоминание было тогда, когда с момента основания города прошло совсем немного времени. К огромному сожалению, во фрагменте F212 ничего не говорится о том, кто был Фанагор, в честь которого получила свое название Фанагория. Как упоминалось выше, мы некоторое время назад (Суриков 2012) высказали мысль, что Гекатей имел в виду не реальное лицо, ойкиста колонии, а эпиклезу божества. Весьма вероятно, что в его трактате содержалось разъяснение

⁴⁴ Причем во множественном числе. Этот фрагмент ввиду его важности стоит привести и в оригинале: *Φαναγόρεια· πόλις ἀπὸ Φαναγόρων, ὡς Ἐκαταῖος Ἀσία· ἡ νῆσος Φαναγόρη καὶ Φαναγόρεια· ἔστι καὶ ἐμπόριον τὰ Φαναγόρεια οὐδετέρως.*

⁴⁵ Именно большой остров, омывавшийся двумя проливами – Боспором Киммерийским (существующим и поныне Керченским проливом) и вторым, располагавшимся восточнее и впоследствии исчезнувшим, а не архипелаг, как считали до относительно недавнего времени. Этот тезис особенно активно отстаивается группой Д.В. Журавлева и У. Шлотцауера. Из многочисленных публикаций по теме см., например: Журавлев, Шлотцауер, Камелина, Кельтербаум. 2010 Журавлев, Шлотцауер 2011; Kelterbaum, Brückner, Porotov, Schlotzhauer, Zhuravlev 2011.

этого вопроса. Но, увы, Стефан Византийский⁴⁶ (а очень многие фрагменты «Описания Земли» извлекаются именно из его лексикона «Этника»), эпитомуруя свои источники, часто делал это весьма небрежно, выписывая только то, что интересовало лично его, – названия городов и племен, а всё остальное отбрасывая.

Еще один фрагмент, имеющий отношение к местностям близ Боспора Киммерийского, тоже взят из труда Стефана. *Hecat. FGrHist. 1. F216 = Steph. Byz. s.v. Ἰξίβαται*: «Иксибаты. Племя у Понта, близкое к Синдике⁴⁷. Гекатей в “Азии”». Таким образом, Гекатей упоминал и Синдику – одну из важных частей боспорского региона.

С другой стороны, является спорным вопрос, к милетскому ли историку восходит свидетельство о городе Киммериде, которое будет приведено далее. Страбон пишет об Аполлодоре Афинском, выдающемся ученом II в. до н.э.⁴⁸, критикуя его за чрезмерную доверчивость: «...он (Аполлодор. – И. С.) переходит к историкам, которые говорят о Рипейских горах⁴⁹, и об Огийской горе⁵⁰, и о жилище Горгон и Гесперид; а у Феопомпа – земля Меровида⁵¹, у Гекатея же – город Киммериды, у Евгемера⁵² же – земля Панхея...» (*Strabo VII. 3. 6 = Hecat. FGrHist. 1. T13*). В любом случае здесь перед нами важное сообщение о вполне реальном городе Киммериде (тоже находившемся в боспорском регионе), которое Аполлодор и за ним Страбон ошибочно поставили в ряд легендарных квазифактов, перечисляющихся в процитированной фразе.

Ф. Якоби вначале считал данное сообщение принадлежащим Гекатею Милетскому, но потом, как и в случае с фрагментом F195, изменил свою точку зрения в пользу Гекатея Абдерского, правда, в этом случае не столь категорично, как в том, а скорее предположительно: “Doch eher der Abderite” (*Jacoby 1995, *1*). Так же считает крупнейший отечественный специалист по географическим знаниям в античности А.В. Подосинов (2012). Нам, впрочем, представляется, что данную точку зрения не обязательно принимать. Что, собственно, препятствует признать наличие упоминания о Киммериде в «Описании Земли» Гекатея Милетского (причем это совершенно не исключает того, что о том же городе мог писать и Гекатей Абдерский)? Ведь, как отмечалось выше, периегега милетянина отличалась, судя по всему, скрупулезно-исчерпывающим характером.

⁴⁶ Об этом авторе см. недавнюю монографию: *Billerbeck, Neumann-Hartmann 2021*.

⁴⁷ Поправка издателей. У Стефана – явно ошибочное «Индике».

⁴⁸ О его главном сочинении – «Хронике» – есть классический труд: *Jacoby 1902*. Теперь см. также: *Bravo 2009; Fleischer 2020*.

⁴⁹ Чаше всего отождествляются с Уралом.

⁵⁰ Какой-то мифологический топоним.

⁵¹ Мифический материк, придуманный Феопомпом Хиосским, видным историком IV в. до н.э. (см. *Aelian. Var. hist. III. 18*).

⁵² Знаменитый эллинистический утопист, придумавший Панхею.

Коснемся также и остальных фрагментов Гекатея, имеющих отношение к Понту Эвксинскому и его окрестностям. Начнем именно с окрестностей, так сказать, с подходов к нему, т.е. с региона Черноморских проливов. Это будет и логично, поскольку именно таков маршрут в «Описании Земли». Рассказав об Эгейском море, автор обращается к Геллеспонту.

Hecat. FGrHist. 1. F139 = Steph. Byz. s.v. Τένεδος: «Тенедос. Остров из числа Спорад, как говорит Гекатей, в Геллеспонте. Назван в честь Тенна и Амфифеи (или Гемифеи), детей Кикна⁵³, – как бы “Теннуедос”. Назывался же ранее Левкофрией». Строго говоря, Тенедос располагается близ входа в Геллеспонт (Дарданелльский пролив), в северо-восточной части Эгейского моря. Но ранее мы говорили о том, что существовало и расширительное понимание Геллеспонта; видимо, как раз оно тут и используется.

Пожалуй, имеет смысл остановиться на вопросе чуть подробнее. Уже у Гомера намечаются и подчеркиваются некоторые базовые характеристики Геллеспонта, представлявшиеся, видимо, наиболее важными. Его упоминания в «Илиаде» часто сопровождаются набором определенных эпитетов и в совокупности с ними порождают устойчивые формулы, употреблением которых, как известно, вообще отличается эпический стиль. Одна из таких формул особенно известна – в переводе Гнедича «Геллеспонт бурнотечный» (греч. ἀγάρροος, буквально «чрезмерно сильно текущий», от ἄγαν и ῥέω; см. Ном. II. II. 845; XII. 30). Среди других подобных эпитетов – πλατύς «широкий» (Ном. II. VII. 86; XVII. 432), ἀπείρων «бесконечный» (Ном. II. XXIV. 545), ἰχθυόεις «обильный рыбой» (Ном. II. IX. 360).

Если такие характеристики, как «бурнотечный» и «обильный рыбой» вполне ясны, то определение достаточно узкого Геллеспонта (его обычная ширина – 5–6 км) как «широкого» и «бесконечного» может вызвать некоторое удивление. Но дело в том, что уже в «Илиаде» прослеживается тенденция, получающая дальнейшее развитие в нарративных памятниках последующих эпох, параллельно пользоваться понятием «Геллеспонт» в узком и широком смысле. В первом случае понимался собственно пролив, на современных картах обозначаемый как Дарданеллы, во втором же – не только он сам, но также акватории, прилегавшие к нему как с юго-запада (северо-восточная часть Эгейского моря), так и с северо-востока (Пропонтида – полностью или частично, иногда даже Боспор Фракийский).

⁵³ Кикн («Лебедь») – местный мифологический герой.

Ясно, что в тех случаях, когда Геллеспонт характеризуется Гомером как «бурнотечный», имеется в виду Дарданелльский пролив, а когда речь идет о «широком» и «бесконечном» Геллеспонте – перед нами расширительное употребление топонима⁵⁴. Это последнее, наряду с узкоконкретным, продолжает существовать довольно долго, во всяком случае, встречается еще в классическую эпоху. Вполне типично, например, следующее словоупотребление Геродота (Herod. VI. 33): «А на европейской стороне Геллеспонта находятся следующие местности: Херсонес (Фракийский. – *И. С.*) с большим числом городов, затем город Перинф, укрепленные места во Фракии, потом Селимбрия и Византий». Легко заметить, что здесь в Геллеспонт оказываются включенными вся Пропонтида и, по крайней мере, южная часть Боспора. Аналогично в перечне «тиранов геллеспонтийцев» (Herod. IV. 138), в число которых включены: Дафнис из Абидоса, Гиппокл из Лампсака, Герофант из Пария, Метродор из Проконнеса, Аристагор из Кизика, Аристон из Византия. Здесь, как видим, названы в числе прочих правители городов на Пропонтиде и Боспоре (но парадоксальным образом в списке отсутствует Мильтиад с Херсонеса Фракийского, который появляется в качестве «полководца и тирана херсонесцев, что на Геллеспонте», в том же эпизоде, но в ином контексте – Herod. IV. 137). Однако у того же Геродота в другом месте (Herod. V. 122) мы парадоксальным образом встречаем и иное понимание топонима: в ходе подавления Ионийского восстания Гимей, один из персидских военачальников, «оставил Пропонтиду, повел свое войско в Геллеспонт и захватил все эолийские города в Илионской области». Здесь Геллеспонт и Пропонтида четко отделяются друг от друга.

Можно вспомнить еще и о том, что в Афинской архэ V в. до н.э. границы Геллеспонтского податного округа были определены исходя именно из максимально широкой трактовки понятия «Геллеспонт». В округ включались не только полисы на берегах пролива как такового, но и, например, с одной стороны, вышеупомянутый остров Тенедос, с другой – Кизик, Византий и др. В этих своих пределах Геллеспонт оказывается, по сути, тождественен зоне Черноморских проливов в целом. Местом нахождения коллегии геллеспонтфилаков (о которой см.: Rubel 2001), судя по всему, был Византий.

Но особенно показательно следующее рассуждение Страбона (Strabo VII. fr. 57): «Относительно названия “Геллеспонт” нет общего согласия, но по этому поводу высказано несколько мнений. Действительно, одни называют Геллеспонтом всю Пропонтиду, другие же – только часть

⁵⁴ Не убеждает альтернативное объяснение, предлагаемое Афинеем (Athen. II. 41b), согласно которому Геллеспонт в «Илиаде» назван широким потому, что «ключевые воды Гомер отличает от широких».

Пропонтиды по эту сторону Перинфа. Третьи прибавляют еще к Геллеспонту часть Внешнего моря, обращенную к Меланскому заливу и к открытым водам Эгейского моря; при этом одни из них применяют одно деление, другие – другое: так, одни прибавляют сюда еще пространство от Сигея до Лампсака и Кизика или же Парий и Приап; а один писатель добавляет даже пространство от Сигрия на острове Лесбосе. Наконец, некоторые без колебаний считают Геллеспонтом даже всё пространство открытого моря до Миртойского моря... Таким образом, они хотят всё Эгейское море до Фермейского залива и Фессалийского и Македонского морей называть Геллеспонтом». Как видим, относительно разногласий здесь всё сказано исчерпывающим образом. Итак, мы окончательно убеждаемся в том, что в данном случае «Геллеспонт» у Гекатея – в расширительном значении.

Выше в связи с Геллеспонтом упоминался Херсонес Фракийский. Приведем информацию о нем, содержащуюся у милетского ученого. *Neocat. FGrHist. 1. F163 = Steph. Byz. s.v. Χερρόνησος*: «Херронес. Город на полуострове у Книда... Есть 2-й город Херронес, во Фракии, о котором пишет Гекатей в “Европе”: “А среди них город Херронес на перешейке полуострова”. А жителя города он называет херронесцем⁵⁵: “С апсинтиями (фракийское племя. – *И. С.*) с юга граничат херронесцы”. А Геродот⁵⁶ называет жителя херронеситом: “Херронеситы с башен дали знак афинянам о случившемся”. Он называет их и⁵⁷ херронесцами, а в женском роде – у Еврипида: “Он лучшую равнину херронесскую...”⁵⁸».

Нам топоним, о котором идет речь, ближе знаком как «Херсонес» (собственно, «полуостров»), но у Стефана (и, видимо, у самого Гекатея) именно «Херронес». Тут нет принципиальной смысловой разницы, налицо лишь диалектальное различие. Что же касается «Херронеса во Фракии», оговорим: был, с одной стороны, полуостров Херсонес Фракийский⁵⁹, а с другой стороны, среди располагавшихся на нем городов имелся и такой, который специально назывался Херсонесом (Isaac 1986. P. 197; Loukoroulou 2004. P. 904–905). Эта ситуация и отражена во фрагменте.

Гекатеем указаны также еще несколько конкретных городов в зоне Черноморских проливов. Приведем и эти фрагменты. *Neocat. FGrHist. 1. F162 = Steph. Byz. s.v. Κόπασις*: «Кипасис. Город близ Геллеспонта. Гека-

⁵⁵ Якоби со знаком вопроса предлагает поправку «херронеситом».

⁵⁶ Имя Геродота здесь – вставка издателей, ввиду безусловности в дальнейшем цитаты именно из него (Herod. IX. 118).

⁵⁷ Некоторые издатели постулируют здесь лакуну.

⁵⁸ *Eug. Hes.* 8.

⁵⁹ О котором см., например: Hammond 1956 (в связи с установившейся на нем тиранией афинского рода Филаидов); Tsvetkova 2000.

тей в “Европе”». Hecat. FGrHist. 1. F164 = Steph. Byz. s.v. Λίμναι: «Лимны. Город на Геллеспонте, близ Сеста. Гекатей в “Европе”». Hecat. FGrHist. 1. F165 = Steph. Byz. s.v. Μαδυτός: «Мадит. Геллеспонтский город. Гекатей в “Европе” и другие».

Двинемся дальше. Hecat. FGrHist. 1. F166 = Herodian. De mon. lex. 31, 26 (II. 937, 10 Lentz): «Бориза, персидский город, как говорит Гекатей в “Описании Европы”: “Далее же Бориза, город персов, далее же Финиада”». Финиада – мыс в районе Салмидесса и Аполлонии Понтийской. Таким образом, здесь Гекатей уже переходит от описания европейского побережья Черноморских проливов к описанию черноморского побережья Фракии. А вот почему город Бориза назван персидским? Безусловно, следует учитывать, что в 513 г. до н.э. Фракия была включена в состав державы Ахеменидов (Castritius 1972; Hammond 1980) и оставалась в ней вплоть до похода Ксеркса 480–479 гг. до н.э. (а некоторые прибрежные пункты страны – еще и позже), Гекатей же писал как раз во времена этого персидского владычества. Но в таком случае все города Фракии для этого периода должны именоваться персидскими, у Гекатея же так охарактеризована специально Бориза. Вопрос пока приходится оставить открытым⁶⁰.

В нескольких из следующих фрагментов упоминаются племена и города близ Истра (Дуная), впадающего в Понт Эвксинский. Hecat. FGrHist. 1. F170 = Steph. Byz. s.v. Κρόβυζοι: «Кробизы. Племя, живущее в направлении южного ветра от Истра. Гекатей в “Европе”. Отсюда название страны – Кробизика». Hecat. FGrHist. 1. F171 = Steph. Byz. s.v. Τριζοί: «Тризы. Племя к югу от Истра. Гекатей в “Европе”». Hecat. FGrHist. 1. F172 = Steph. Byz. s.v. Ὀργάμη: «Оргама. Город у Истра⁶¹. Гекатей в “Европе”. Есть еще Оргомены, город в Иллирии». В еще одном фрагменте названное племя с Истром не соотносится, но явно тоже находится в понтийском регионе. Hecat. FGrHist. 1. F182 = Steph. Byz. s.v. Σκαί: «Скеи. Племя между Троадой и Фракией, как пишет Гекатей в “Европе”». Как тут не вспомнить о знаменитых Скейских воротах Трои, упоминаемых в «Илиаде»?

Затем маршрут Гекатея ожидаемо ведет в Северное Причерноморье, в Скифию, в связи с которой из периегезы тоже сохранился ряд пассажей разной степени информативности. Hecat. FGrHist. 1. F184 = Steph. Byz. s.v. Καρκινίτις: «Каркинитида. Скифский город. Гекатей в «Европе». Название жителей – каркиниты». В действительности Каркинитида, или Керкинитида (конечно, если здесь имеется в виду именно она), была гре-

⁶⁰ Впрочем, см.: Vasilev 2016. М. Василев считает, что Бориза была специально основана Дарием I сразу после основания Фракии как база для персидского гарнизона.

⁶¹ Об этом полисе см.: Lungu 2019.

ческим городом в Западном Крыму. Свидетельство Гекатея об этой колонии является, естественно, самым ранним, и именно оно используется как *terminus ante quem* при определении времени ее основания (Щеглов 1984. С. 55).

Hecat. FGrHist. 1. F185 = Steph. Byz. s.v. Μελάγχλαινοι: «Меланхлены. Скифское племя. Гекатей в “Европе”. Они названы от одежд, которые носят⁶², подобно тому, как гипемолги – от того, что они доят кобыл⁶³, и моссинойки – от их жилищ⁶⁴». О меланхленах, равно как и о других племенах Скифии, позже подробно рассказывал Геродот, и его данные интенсивно исследовались в литературе, в т.ч. отечественной (см. прежде всего: Доватур, Каллистов, Шишова 1982); как видим, и в этом отношении, т.е. в плане интереса к далеким скифским землям и этносам, Гекатей выступил предтечей Геродота. В остальных фрагментах, относящихся к Скифии (Hecat. FGrHist. 1. F186–190), упоминаются скифские племена (эды, матикеты, миргеты, исеп – почему-то в ед.ч.), а также «Кардесс – город в Скифии». К сожалению, все эти фрагменты дошли через посредство Стефана Византийского, а потому не отличаются информативностью⁶⁵.

Ряд фрагментов «Описания Земли» посвящен южному и восточному побережьям Черного моря. Большинство их сохранено опять же Стефаном, и поэтому в них – ничего, кроме топонимов и этнонимов. Например, «Стефанида – город у мариандинов» (Hecat. FGrHist. 1. F198), «Хадисия – город у левкосирийцев» (Hecat. FGrHist. 1. F200), «Тирия – город у левкосирийцев» (Hecat. FGrHist. 1. F201), «Стамена – город у халибов» (Hecat. FGrHist. 1. F202), «мары – племя, соседствующее с моссинойками» (Hecat. FGrHist. 1. F205), «макроны – те, что ныне называются саннами» (Hecat. FGrHist. 1. F206), «колы – племя близ Кавказа» (Hecat. FGrHist. 1. F209), «кораксы – колхское племя, близ колов» (Hecat. FGrHist. 1. F210), «Кросса – город у Понта» (Hecat. FGrHist. 1. F213), «Патрасий – понтийский город» (Hecat. FGrHist. 1. F214), «иамы – скифское племя» (Hecat. FGrHist. 1. F215).

Впрочем, бывают случаи, когда и Стефан дает несколько больше, чем эти *nomina nuda*. Например, приводит дословную цитату из Гека-

⁶² «Черноризцы» – так передают на русском этноним «меланхлены» некоторые старые переводчики.

⁶³ «Кобыл» – поправка Якоби; в рукописи Стефана – «коней». «Гипемолги» в переводе и означает «доящие кобыл».

⁶⁴ От моссин – башнеобразных построек, в которых обитали представители этого племени, локализуемого на южном побережье Черного моря.

⁶⁵ По словам того же Стефана, у Гекатея и Исседоны фигурировали как скифское племя (Hecat. FGrHist. 1. F193 = Steph. Byz. s.v. Ἰσσηδόνες). Но тут, видимо, налицо ошибка. Исседонов локализовали значительно дальше от Понта Эвксинского, и, соответственно, здесь они не рассматриваются.

тея (такие фрагменты, как отмечалось и выше, особенно ценны). Hecat. FGrHist. 1. F203 = Steph. Byz. s.v. Χάλυβες: «Халибы. Племя близ Понта, у реки Фермодонта... А у Гекатея их название изменяется по второму склонению (Χάλυβοι)⁶⁶: “С халибами с юга граничат (ὄμορρέουσι) армяне”». Hecat. FGrHist. 1. F204 = Steph. Byz. s.v. Χοιράδες: «Херады. Город у моссинойков⁶⁷. Гекатей в “Азии”⁶⁸: “А с тибаренами на восход солнца граничат (ὄμορρέουσι) моссинойки; у них же есть город Херады”». Hecat. FGrHist. 1. F207 = Steph. Byz. s.v. Χοί: «Хои. Племя близ бехи-ров. Гекатей в “Азии”: “А здесь и бехирская земля, соприкасаются же с ними хои”. И еще раз: “До них – хои”. И еще раз: “А с хоями граничат (ὄμορρέουσι) со стороны восхода солнца дизеры”».

Территориально фрагменты, процитированные в предыдущем абзаце, относятся к восточной части Малой Азии, являвшейся в античности регионом огромной этнической пестроты. Судя по лексике фрагментов, Гекатей проявлял интерес к важной пространственной категории границ. Характерным образом он употребляет глагол ὄμορέω (в ионийском написании ὄμορρέω), акцентирующий не момент разделения границей, а напротив, момент смежности, пространственной близости двух этносов.

А вот еще одно интересное свидетельство. Hecat. FGrHist. 1. F208 = Steph. Byz. s.v. Ἐρμόνασσα: «Гермонасса. Маленький остров в Киммерийском Боспоре, на котором – город, колония ионийцев, как пишет Периегет⁶⁹. А Скимн⁷⁰ называет его также Германией. Страбон в 7-й книге упоминает деревню Гермонакта. Менипп⁷¹ же говорит о местечке (χωρίον) такого названия, принадлежащем Трапезунту, в “Перипле двух Понтов”. Но Гекатей и Феопомп называют эту Гермонассу городом (πόλις)».

По нашему мнению, эта малоазийская Гермонасса (которую не следует смешивать с более известной боспорской, нынешней Таманью) изначально была основана как полис (такая ситуация отражена у ранних авторов – Гекатея и Феопомпа), но со временем деградировала до комы на хоре Трапезунта (такая ситуация отражена у Мениппа, автора более позднего).

Кстати, именно потому, что у Гекатея в «Описании земли» постоянно упоминались разные города и употреблялся термин πόλις, – а при этом перед нами, подчеркнем, весьма ранний источник! – его свидетельства привлекли внимание выдающегося антиковеда М. Хансена (Hansen

⁶⁶ Выше, в заголовке статьи, этноним в плюралисе дан с окончанием третьего склонения.

⁶⁷ Такое написание – поправка издателей, а в тексте Стефана – неточно: «моссинойки» и даже «мо-синоки».

⁶⁸ У Стефана ошибочно «в Европе»; Якоби поправляет.

⁶⁹ Дионисий Периегет.

⁷⁰ Скимн Хиосский, а не Псевдо-Скимн.

⁷¹ Менипп Пергамский, географ I в. до н.э.

1997), когда тот во главе коллектива ученых занимался определением понятия «полис». Общее заключение к статье на эту тему ученый делает таким: «...Гекатей использовал термин “полис” таким же образом, как все остальные греческие авторы: даже несмотря на то, что это слово в “Описании” употреблялось в основном в значении города скорее, чем в значении города-государства, оно, кажется, в случае с эллинскими полисами применялось исключительно к общинам, которые были полисами в политическом смысле в той же мере, как и в урбанистическом» (Hansen 1997. P. 27).

Иногда черноморские фрагменты периегезы сохранены не Стефаном, а каким-нибудь не столь немногословным писателем; тогда они, конечно, пространнее. Вот, например, из Страбона. *Hecataei FGrHist. 1. F199 = Strabo XII. 3. 25*: «Но он (Аполлодор. – *И. С.*) не может сказать, что древние имели такое мнение: будто бы они все согласны в том, что никто с противоположной стороны Галиса не участвовал в Троянской войне. Скорее можно найти свидетельства в пользу обратного: по крайней мере, Меандрий⁷² говорит, что энецы, отправившись из земли левкосирийцев, стали троянцам союзниками, а оттуда отплыли вместе с фракийцами и поселились в глубине Адриатического моря, те же из энецов, которые не приняли участия в походе, стали каппадокийцами... Сам же Аполлодор излагает чтение Зенодота⁷³, которое гласит: “Из Энецы, где стадаются дикие мески”⁷⁴. Он говорит, что Гекатей Милетский принимает за Энецу Амис». Амис – значительный греческий город на южном побережье Черного моря. Энецы же, о которых идет речь в данном пассаже, – фракийское племя в Малой Азии. Здесь представлена популярная традиция, отождествлявшая энецов с венетами, жившими на севере Адриатического моря (от последних, кстати, название Венеции).

У Страбона находим и следующий фрагмент, с которым Гекатей, обозрев Понт Эвксинский, возвращается в зону Черноморских проливов, проходя теперь по ее восточному, азиатскому побережью. Фрагмент достаточно объемён, мы даже несколько сократим его.

Hecataei FGrHist. 1. F217 = Strabo XII. 3. 22: «А скепсиец⁷⁵, как кажется, не принимает его (Эфора. – *И. С.*) мнение, равно как и мнение тех, кто помещает гализонов близ Паллены... Равным образом он недоумевает и по поводу того, как кто-то может считать, что от кочевников, живших за Борисфеном, пришла военная помощь троянцам. Больше же всего он

⁷² Милетский историк времени раннего эллинизма.

⁷³ Зенодот Эфесский – эллинистический филолог. Здесь имеется в виду его поправка к тексту Гомера.

⁷⁴ В каноническом тексте Гомера (Ном. II. II. 852) – «из Энет» (или «от энецов»). Речь идет о Пилемене, вожде пафлагонян, пришедших на помощь Трое.

⁷⁵ Деметрий Скепсийский – известный эллинистический ученый III–II вв. до н.э.

хвалит мнение Гекатея Милетского, Менекрата-элеата⁷⁶ (мужа из числа приятелей Ксенократа⁷⁷) и Палефата⁷⁸. Из них Гекатей в “Описании земли” говорит: “Около города Алазии – река Одрисс, которая, протекая через равнину Мигдонии с запада, из озера Даскилитиды, впадает в Риндак⁷⁹”. Он говорит, что ныне Алазия опустела, а алазоны живут в многочисленных деревнях, мимо которых течет Одрисс; в них-де особенно почитается Аполлон, в наибольшей же степени – по границе с кизикийцами⁸⁰ (далее выпускаем часть пассажа, в которой речь идет не о Гекатее, а о других авторах. – *И. С.*)... Итак, что достойно похвалы в их суждениях? Помимо того, что и они изменяют древнее написание, они не показывают ни серебряных рудников, ни того, где в Мирлеатиде находится Алопа, ни того, каким образом пришедшие оттуда в Илион оказались пришедшими издалека, даже если допустить, что была какая-то Алопа или Алазия».

Здесь Страбон вступает в довольно запутанную дискуссию об упоминаемых Гомером гализонах (ализонах) и об их соотношении с алазонами, которых обычно локализовали в Скифии (примешивался тут еще и вопрос об амазонках – в связи с имеющим место созвучием). Из упоминаемых географом писателей самым ранним является Гекатей, который, как видим, связывает алазонов отнюдь не со Скифией, а с регионом, близким к Трое. Иными словами, он оказывается мыслящим более реалистично, чем, скажем, Эфор, который, не смущаясь пространствами и расстояниями, «приводил» троянцам союзников из далекого Северного Причерноморья.

А далее – опять фрагменты из Стефана. В них упомянут ряд находившихся в регионе городов и даже мелких городков – даже таковые не ускользали от внимания скрупулезного Гекатея: например, Скилака близ Кизика (Hecat. FGrHist. 1. F218), Абарн близ Лампсака (Hecat. FGrHist. 1. F220), Мирикунт, Лампоний и Грины в Троеде (Hecat. FGrHist. 1. F222, F223, F225). Несколько более значительным центром была Гаргара. Hecat. FGrHist. 1. F224 = Steph. Byz. s.v. Γάργαρα: «Гаргара. Город в Троеде, на вершине Иды⁸¹, в древности именовавшийся Гаргаром. Страбон и Гекатей называют его эолийским. А Алкман называет его Гаргаром (но в женском роде) и говорит, что в нем жили лелеги. Назван он был в честь

⁷⁶ Историк IV в. до н.э.

⁷⁷ Ксенократ Калхедонский (IV в. до н.э.) – видный философ-платоник, третий схолярх Академии.

⁷⁸ Палефат – древнегреческий мифограф, время жизни которого с точностью не датируется (чаще его относят к IV в. до н.э.). В своем трактате «О невероятном» довел до логического предела методику рационалистической интерпретации мифов.

⁷⁹ Описываются территории на северо-западе Малой Азии, близ Геллеспонта.

⁸⁰ Т.е. с жителями Кизика – важного греческого города в Пропонтиде.

⁸¹ Ида – знаменитая гора близ Трои, многократно упоминаемая уже в «Илиаде».

Гаргара, сына Зевса, уроженца Лариссы в Фессалии... И есть мыс Гаргара. Эпафродит⁸² же утверждает, что город склоняется по женскому роду, а мыс – по среднему. А Гелланик говорил, что есть город Гаргас, через «с»; но я считаю это ошибкой».

Еще более известным троядским городом был Сигей, который у Гекатея фигурирует почему-то как «Сига» (Hecat. FGrHist. 1. F221 = Steph. Byz. s.v. Σίγη). Сигей занимал на «ментальной карте» Трояды весьма значимое место. Ведь именно на его территории, согласно преданию, находилась знаменитая «Корабельная стоянка», т.е. лагерь ахейцев, осаждавших Троию.

В заключение приведем фрагмент Гекатея, который обычно считают происходящим не из «Описания Земли», а из его историко-мифогеографического трактата, хотя, строго говоря, вопрос этот спорный. Речь во фрагменте идет о Синопе – одном из важнейших центров Южного Понта. Hecat. FGrHist. 1. F34 = Schol. Apoll. Rhod. II. 946: «А поскольку у фракийцев (каковым диалектом пользуются и амазонки) пьяные называются санапами, то и город был назван Санапой⁸³, потом, в результате порчи, Синопой. Пьяная амазонка из этого⁸⁴ города пришла к Литиду⁸⁵, как говорит Гекатей».

В данном пассаже речь идет об амазонках в связи с тем, что одним из главных мест их локализации в античности была долина Фермондонта, неподалеку от Синопы (да и сама Синопа в одной из ветвей традиции основана амазонками). Гекатей, автор времен поздней архаики, помещает амазонок, как видим, именно в этот регион. Историки второй половины V в. до н.э. – Геродот (Herod. IV. 110 sqq.) и Гелланик в «Аттиде» (Hellan. FGrHist. 4. F167) – «находят» их уже не в Малой Азии, а в Северном Причерноморье. Но это – предмет отдельного разговора.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Агбунов М.В. Античная география Северного Причерноморья. М., 1992. [Agbu-nov M.V. Antichnaya geografiya Severnogo Prichernomor'ya (Ancient Geography of the Northern Black Sea Region). Moscow, 1992.]

Гекатей Милетский. Фрагменты. Перевод с древнегреческого и комментарий И.Е. Сурикова // Scripta antiqua. 2021. Т. 9. С. 393–482. [Hecataeus of Miletus. Fragmenty. Pervod s drevnegrecheskogo i kommentariy I.E. Surikova (Frag-

⁸² Грамматик I в. н.э.

⁸³ «Санапой» – вставка издателей.

⁸⁴ «Этого» – вставка Якоби.

⁸⁵ Гапакс. Смысл неясен.

ments. Translated from Greek and commented by I.E. Surikov) // Scripta antiqua. 2021. Vol. 9. S. 393–482.]

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982. [Dovatur A.I., Kallistov D.P., Shishova I.A. Narody nashey strany v “Istorii” Gerodota (Peoples of our country in Herodotus’ “Histories”). Moscow, 1982.]

Журавлев Д.В., Шлотцауер У. Греческая колонизация восточной части Таманского полуострова // Scripta antiqua. 2011. Т. 1. С. 252–293. [Zhuravlev D.V., Schlotzhauer U. Grecheskaya kolonizatsiya vostochnoy chasti Tamanskogo poluostrova (Greek colonization of the eastern part of the Taman Peninsula) // Scripta antiqua. 2011. Vol. 1. S. 252–293.]

Журавлев Д.В., Шлотцауер У., Камелина Г.А., Кельтербаум Д. Поселение Стрелка 2 на Таманском полуострове (Предварительная информация) // ДБ. 2010. Т. 14. С. 162–183. [Zhuravlev D.V., Schlotzhauer U., Kamelina G.A., Kelterbaum D. Poselenie Strelka 2 na Tamanskom poluostrove (Predvaritel’naya informatsiya) (The Settlement Strelka 2 at the Taman Peninsula (preliminary information)) // Drevnosti Bospora. 2010. Vol. 14. S. 162–183.]

Завойкина Н.В. Граффито ок. 520-х гг. до н.э. из Фанагории // КСИА. 2020. Вып. 258. С. 245–259. [Zavoykina N.V. Graffito ok. 520-kh gg. do n.e. iz Fanagorii (A graffito of ca. 520s BC from Phanagoria) // Kratkie soobshcheniya Instituta Arkheologii. 2020. Vol. 258. S. 245–259.]

Мусбахова В.Т. В поисках границы между Европой и Азией: Гекатей Милетский // Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии / Под ред. В.Т. Мусбаховой. СПб., 2014. С. 75–92. [Musbakhova V.T. V poiskakh granitsy mezhdu Evropoy i Aziey: Gekatey Miletskiy (In the search of the border between Europe and Asia: Hecataeus of Miletus) // Ladoga v kontekste istorii i arkheologii severnoy Evrazii / Ed. V.T. Musbakhova. St-Petersburg, 2014. S. 75–92.]

Подосинов А.В. Гекатей Абдерский. «О гиперборейях». Введение, древнегреческий и латинский текст фрагментов // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ. М., 2012. Т. 3. С. 145–185. [Podossinov A.V. Gekatey Abderskiy. “O giperboreyakh. Vvedenie, drevnegrecheskiy i latinskiy tekst fragmentov (Hecataeus of Abdera. “On Hyperboreans”. Introduction, Greek and Latin text of the fragments) // Trudy kafedry drevnikh yazykov istoricheskogo fakul’teta MGU. 2012. Vol. 3. S. 145–185.]

Подосинов А.В. Куда плавал Одиссей? О географических представлениях греков архаической эпохи. М., 2015. [Podossinov A.V. Kuda plaval Odissey? O geographicheskikh predstavleniyakh grekov arkhaischeskoy epochi (Where did Odysseus sail? On geographical notions of the Greeks of the Archaic period). Moscow, 2015.]

- Сапрыкин С.Ю. К прочтению и интерпретации некоторых боспорских граффити // ДБ. 2019. Т. 24. С. 473–487. [*Saprykin S.Ju.* K prochteniyu i interpretatsii nekotorykh bosporskikh graffiti (To the reading and interpretation of some Bosporean graffiti) // *Drevnosti Bospora*. 2019. Vol. 24. S. 473–487.]
- Суриков И.Е. Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011. [*Surikov I.E.* Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoy Gretsii (Essays on historical writing in Classical Greece). Moscow, 2011.]
- Суриков И.Е. Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (к постановке проблемы) // ДБ. 2012. Т. 16. С. 440–469. [*Surikov I.E.* Ob etimologii nazvaniy Fanagorii i Gremonassy (k postanovke problemy) (On etymology of the names of Phanagoria and Hermonassa (towards the statement of a problem)) // *Drevnosti Bospora*. 2012. Vol. 16. S. 440–469.]
- Суриков И.Е. «Геллеспонт бурнотечный» (Пролив между Эгейдой и Пропонтидой и его роль в античной истории) // ПИФК. 2013. № 4 (42). С. 3–44. [*Surikov I.E.* “Gellespont burnotechnny” (Proliv mezhdru Egeidoy i Propontidoy i ego rol’ v antichnoy istorii) (“The rapidly flowing Hellespont” (The strait between the Aegean and the Propontis and its role in ancient history)) // *Problemy istorii, filologii, kul’tury*. 2013. N 4 (42). S. 3–44.]
- Суриков И.Е. Сочинение Псевдо-Скимна в контексте античных греческих жанров перипла и периегезы // Херсонесский сборник. Севастополь, 2020. Вып. 21. С. 216–226. [*Surikov I.E.* Sochinenie Psevdo-Skimna v kontekste antichnykh grecheskikh zhanrov periplus i periegezy (The work of Pseudo-Scymnus in the context of Ancient Greek genres of *periplus* and *periegesis*) // *Khersonesskiy sbornik*. Sevastopol, 2020. Vol. 21. S. 216–226.]
- Суриков И.Е. Первое прозаическое описание Средиземноморья: историко-географический труд Гекатея Милетского // *Mare nostrum*. М., 2021. Вып. 2. С. 10–50. [*Surikov I.E.* Pervoe prozaicheskoe opisanie Sredizemnomor’ya: istoriko-geograficheskiy trud Gekateya Miletskogo (The first prose description of the Mediterranean: Hecataeus of Miletus’ historical and geographical treatise) // *Mare nostrum*. Moscow, 2021. Vol. 2. S. 10–50.]
- Шелов-Коведяев Ф.В. К ранней истории Фанагории // ПИФК. 2018. № 3 (61). С. 98–106. [*Shelov-Kovedyaev F.V.* K ranney istorii Fanagorii (From the early history of Phanagoria) // *Problemy istorii, filologii, kul’tury*. 2018. N 3 (61). S. 98–106.]
- Щеглов А.Н. Керкинитида // Античные государства Северного Причерноморья / Отв. ред. Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков. М., 1984. С. 55–56. [*Shcheglov A.N.* Kerkinitida (Cercinitis) // *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor’ya* / Ed. by G.A. Koshelenko, I.T. Kruglikova, V.S. Dolgorukov. Moscow, 1984. S. 55–56.]

- Alganza Roldán M.* Hecateo de Mileto, “historiador” y “mitógrafo” // *Florentia iliberitana*. 2012. Vol. 23. P. 23–44.
- Armayer O.K.* Herodotus, Hecataeus and the Persian Wars // *The World of Herodotus* / Ed. V. Karageorghis, I. Taifacos. Nicosia, 2004. P. 321–335.
- Bertelli L.* Hecataeus: From Genealogy to Historiography // *The Historian’s Craft in the Age of Herodotus* / Ed. by N. Luraghi. Oxford, 2007. P. 67–94.
- Bianchetti S.* The “Invention” of Geography: Eratosthenes of Cyrene // *Brill’s Companion to Ancient Geography: The Inhabited World in Greek and Roman Tradition* / Ed. by S. Bianchetti, M.R. Cataudella, H.-J. Gehrke. Leiden; Boston, 2016. P. 132–149.
- Bichler R.* Persian Geography and the Ionians: Herodotus // *Brill’s Companion to Ancient Geography: The Inhabited World in Greek and Roman Tradition* / Ed. by S. Bianchetti, M.R. Cataudella, H.-J. Gehrke. Leiden; Boston, 2016. P. 3–20.
- Bichler R.* Herodotus the Geographer // *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian* / Ed. by E. Bowie. Berlin; Boston, 2018. P. 139–155.
- Billerbeck M., Neumann-Hartmann A.* Stephanos von Byzanz: Grammatiker und Lexikograph. Berlin; Boston, 2021.
- Braun T.* Hecataeus’ Knowledge of the Western Mediterranean // *Greek Identity in the Western Mediterranean: Studies in Honour of B. Shefton* / Ed. by K. Lomas. Leiden; Boston, 2004. P. 287–347.
- Bravo B.* La Chronique d’Apollodore et le Pseudo-Skymnos: Érudition antique et littérature géographique dans la seconde moitié du IIe siècle av. J.-C. Leuven, 2009.
- Castritius H.* Die Okkupation Thrakiens durch die Perser und der Sturz des athenischen Tyrannen Hippias // *Chiron*. 1972. Bd. 2. S. 1–15.
- Fleischer K.* The Original Verses of Apollodorus’ *Chronica*: Edition, Translation and Commentary on the First Iambic Didactic Poem in the Light of New Evidence. Berlin; Boston, 2020.
- Fowler R.L.* Early Greek Mythography. II. Commentary. Oxford, 2013.
- Hammond N.G.L.* The Philaids and the Chersonese // *Classical Quarterly*. 1956. Vol. 6. N 3–4. P. 113–129.
- Hammond N.G.L.* The Extent of Persian Occupation in Thrace // *Chiron*. 1980. Bd. 10. S. 53–69.
- Hansen M.H.* Hekataios’ Use of the Word *Polis* in his *Periegesis* // *Yet More Studies in the Ancient Greek Polis* / Ed. by T.H. Nielsen. Stuttgart, 1997. P. 17–27.
- Heidel W.A.* Hecataeus and the Egyptian Priests in Herodotus, Book II. New York; London, 1987.
- Herrmann M.* Hekataios als mutmassliche geographische Quelle Herodots in seiner Beschreibung des Xerxeszuges // *Klio*. 1911. Bd. 11. S. 382–384.
- Isaac B.* The Greek Settlements in Thrace until the Macedonian Conquest. Leiden, 1986.

- Jacoby F.* Apollodors Chronik. Berlin, 1902.
- Jacoby F.* Hellanikos // RE. Hbd. 15. 1912. Sp. 104–153.
- Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker (F Gr Hist). Tl. 3: Geschichte von Staedten und Voelkern (Horographie und Ethnographie). C. Autoren ueber einzelne Laender. Nr. 608a–856 (Bd. 2: Illyrien – Thrakien, Nr. 709–856). Leiden, 1958.
- Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker (F Gr Hist). Tl. 1: Genealogie und Mythographie. A. Vorrede, Text, Addenda, Konkordanz. Leiden; New York; Köln, 1995.
- Janni P.* The Sea of the Greeks and Romans // Brill's Companion to Ancient Geography: The Inhabited World in Greek and Roman Tradition / Ed. by S. Bianchetti, M.R. Cataudella, H.-J. Gehrke. Leiden; Boston, 2016. P. 21–42.
- Kelterbaum D., Brückner H., Porotov A., Schlotzhauer U., Zhuravlev D.* Geoarchaeology of Taman Peninsula (Kerch Strait, South-West Russia) – the Example of the Ancient Greek Settlement of Golubitskaya 2 // Die Erde. 2011. Bd. 143. Ht. 3. S. 235–258.
- Lendle O.* Einführung in die griechische Geschichtsschreibung: Von Hekataios bis Zosimos. Darmstadt, 1992.
- Lister R.P.* The Travels of Herodotus. London, 1979.
- Loukopoulou L.* Thracian Chersonesos // An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation / Ed. by M.H. Hansen, T.H. Nielsen. Oxford, 2004. P. 900–911.
- Lungu V.* Orgame Necropolis in the Black Sea Area // Greek Colonization in Local Contexts: Case Studies in Colonial Interactions / Ed. by J. Lucas, C.A. Murray, S. Oven. Oxford, 2019. P. 123–144.
- Malinowski G.* Strabo the Historian // The Routledge Companion to Strabo / Ed. by D. Dueck. London; New York, 2017. P. 337–352.
- Malkin I.* What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies // Athenaeum. 1985. Vol. 63. P. 114–130.
- Matthaios S.* Eratosthenes, Crates and Aristarchus on the Homeric Dual. Rethinking the Origins of the 'Analogy vs. Anomaly Controversy' // Approaches to Greek Poetry / Ed. by M. Ercoles, L. Pagani, F. Pontani, G. Ucciardello. Berlin; Boston, 2018. P. 25–49.
- Molina Marín A.I.* Under the Shadow of Eratosthenes: Strabo and the Alexander Historians // The Routledge Companion to Strabo / Ed. by D. Dueck. London; New York, 2017. P. 294–305.
- Möller A.* Epoch-making Eratosthenes // Greek, Roman and Byzantine Studies. 2005. Vol. 45. P. 245–260.

- Munn M.* The Mother of the Gods, Athens, and the Tyranny of Asia: A Study of Sovereignty in Ancient Religion. Berkeley, 2006.
- Nikolaidou-Arabatzi S.* ἱστορέειν and θωμάζειν: Scientific Terms and Signs of Unity in Herodotus' *Histories* // Herodotus – Narrator, Scientist, Historian / Ed. by E. Bowie. Berlin; Boston, 2018. P. 223–241.
- Pearson L.* Early Ionian Historians. Westport, 1975.
- Pelling C.* Aristagoras (5.49–55, 97) // Reading Herodotus: A Study of the Logoi in Book 5 of Herodotus' *Histories* / Ed. by E. Irwin, E. Greenwood. Cambridge, 2007. P. 179–201.
- Prandi L.* Bisanzio prima di Bisanzio: Una città greca fra due continenti. Roma; Bristol, 2020.
- Rubel A.* Hellespontophylakes – Zöllner am Bosporos? Überlegungen zur Fiskalpolitik des attischen Seebundes (IG I³ 61) // *Klio*. 2001. Bd. 83. Ht. 1. S. 39–51.
- Russell T.* Byzantium and the Bosporus: A Historical Study, from the Seventh Century BC until the Foundation of Constantinople. Oxford, 2017.
- Shipley G.* Pseudo-Skylax's *Periplus*: The Circumnavigation of the Inhabited World. Text, Translation and Commentary. Bristol, 2011.
- Shipley G.* Skylax (Σκύλαξ, ὁ) of Caryanda // The Herodotus Encyclopedia / Ed. by C. Baron. Vol. 3 (P–Z). Hoboken, 2021. P. 1300–1301.
- Tsetskhladze G., Hargrave J.* Colonisation Ancient and Modern: Some Observations // *Gaudeamus igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова* / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, Г.Р. Цецхладзе. М., 2010. С. 381–398. [Gaudeamus igitur: Sbornik statey k 60-letiyu A.V. Podosinova / Ed. by T.N. Jackson, I.G. Konovalova, G.R. Tsetskhladze. Moscow, 2010. P. 381–398.]
- Tsvetkova J.* Siedlungen und Siedlungssystem auf der Thrakischen Chersonesos in der vorrömischen Zeit // *Thracia*. 2000. Vol. 13. P. 431–462.
- Vasilev M.I.* Βόρεια πόλις Ποντικής // The Black Sea in the Light of New Archaeological Data and Theoretical Approaches: Proceedings of the 2nd International Workshop on the Black Sea in Antiquity Held in Thessaloniki, 18–20 September 2015 / Ed. by M. Manoledakis. Oxford, 2016. P. 99–118.
- West S.* Herodotus' Portrait of Hecataeus // *Journal of Hellenic Studies*. 1991. Vol. 111. P. 144–160.

THE EARLIEST GREEK GEOGRAPHERS ON THE PONTUS EUXINUS
AND ITS ENVIRONS

Anaximander of Miletus, Hecataeus of Miletus and Scylax of Caryanda, representatives of the Archaic Ionian scholarship, were the earliest Greek geographers (6th century B.C.). The philosopher Anaximander drew the first map (still very schematic one); the historian Hecataeus improved this map towards more detailed elaboration and also wrote the first periegesis (“Description of the Earth”); the seafarer Scylax was the author of the first periplus (although at such an early stage of development of Greek prose literature the genres of periegesis and periplus still had little difference between each other). The article deals with extant data of these writers on the Black Sea and adjacent regions. To be true, there is no such information in Anaximander’s fragments, and rather little in Scylax’s ones (mainly on the area of the Straits); but Hecataeus’ fragments contain it in abundance. That author’s geographical treatise was a virtually exhaustive description of lands known at his time, surely including coasts of the Black Sea and the nearby Azov Sea. Hecataeus measured the size of the Black Sea (at the map rather than “in nature”). It is he who is likely to have for the first time used the famous and very popular in antiquity image of the Pontus as a Scythian bow. Of interest is the question where in the Black Sea region the scholar drew the border between Europe and Asia; the article gives arguments in favour of the opinion that for him the border was not the Don River, as later in Herodotus, but the Kuban River. Meanwhile, the territory that is now the Taman Peninsula (it was an island in antiquity) belonged to Asia according to Hecataeus. In the “Description of the Earth”, there is the first in the narrative tradition evidence on Phanagoria – one of the most significant Greek colonies at the territory of Russia, later the second in importance center of the Bosporan Kingdom. Amazons are localized by Hecataeus near the Thermodon River rather than in the Northern Black Sea Region, as Herodotus and Hellanicus later did.

Keywords: geography, Anaximander, Hecataeus, Scylax, maps, *periegesis*, *periplus*, the Black Sea, the Straits

DOI: 10.32608/1560-1382-2023-44-13-49